

Al Rahu

Глаз бури
(в стакане)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Al Rahu

Глаз бури (в стакане)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68288329

SelfPub; 2022

Аннотация

О чем эта книга? Иногда сложно сказать о чем-то конкретно, не наследив своим мнением. Вообще хочется всегда сказать что-то назидательно умное. Или обидное – если это что-то тебе не нравится. Вот задают тебе вопрос, и так сразу поговорить хочется. Минуту что-то там пытаешься выдать из себя, а потом разгоняешься и вот уже говоришь про свой вчерашний день, делишься недавним переживанием. И вопрос уплыл, и ответ утонул. Неважно это все становится, истории эти фрактальные, сменяют друг друга в калейдоскопе ощущений, и вы с человеком уже час как трещите. Вроде и не обсудили ничего, а хорошо как-то стало... Связь ощущается. И на душе легче. А? А о чем вы спросили? О чем эта книга? А я уже и забыл совсем.... Содержит нецензурную брань.

Al Rahu

Глаз бури (в стакане)

Предисловие от Автора

Глаз бури, также глаз урагана, або офо, бычий глаз – область прояснения и относительно тихой погоды в центре тропического циклона. (Википедия)

Я люблю символизм.

Я люблю отсылки.

Я обожаю пасхалки.

Я оставляю на этих страницах отпечаток своей души, я оставляю здесь свою сущность и суть.

Само название ведет к той области сердца, в которой, несмотря на колебания внешних оболочек, штормы, град, ураганы, остается место, в котором живет тишина и покой.

Многие из вас забыли, как туда добраться. Многие из вас помнят о нем, но посещают, как стоматолога, очень редко, с переменным успехом. Многие просто не видят света.

Я пишу эту книгу для всех, кого люблю. Я пишу, чтобы каждый, кто прочитает, смог найти путь к своему морю спокойствия. Я пишу, чтобы поделиться, показать, рассказать. Ты не один. Ты не брошен и не покинут. Ты Искра, ты Свет, Ты Источник. И если вдруг ты чувствуешь, что печаль холодным одеялом накрывает и замораживает все, что у тебя

внутри, приходи.

Я есть здесь.

Любовь.

А в стакане, потому что все бури рано или поздно заканчиваются, и штиль, который наступает после, неизмеримо больше, ярче и весче.

Глава первая

В которой Лазарь просыпается с пробитой похмельем головой.

Имя. Мне нужно Имя.

Каждую новую жизнь я просыпаюсь без памяти, напрочь забыв себя, свое лицо и свое Имя. Часто рядом не бывает никакой живой души для того, чтобы сообщить мне хоть что-то. И тогда мне приходится по крупинкам, по точечкам на листе, по отдельной звезде в скоплении собирать созвездие своего сознания.

Это я вспоминаю в первую очередь. Я знаю, что я ничего не знаю, и это первый шаг. Тело не выдает реакции испуга отсутствующему знанию. Тело как будто хорошо осведомлено о том, что происходит, оно расслаблено, оно-то, в отличии от моего ума не забывает основных задач. Дышит. Метаболизирует. Сохраняет сердечный ритм.

На этом моменте я решаю, что раз из нас двоих у тела больше компетенции, тело больше знает, больше помнит и больше меня разумеет, буду его слушать в первую очередь, остальное – приложится.

Я собираю себя с кровати в ощущении полного раздвоя, отечность проникла прямо в черепную коробку, мозг распух и занял все пространство, пытаюсь выдавить сам себя. В глазах будто установили два миномета, которые по какой-то идиотской причине ведут огонь по своим. Friendly fire. Дружественный обстрел.

Что-то было про огонь... Какая то ниточка тянет меня обратно в беспокойный полупьяный сон, в котором граница между дрёмой и реальностью размыта, нечеткие линии сюжетов переплетаются один в другой, и ты живёшь какую-то далекую, волшебную жизнь, которая, как правило, кончается захватывающим видом на содержимое желудка лизергиновой жабы, которая тебя переваривает, и не попускает, от такого точно не попускает в долгой перспективе.

Чем же я вчера накидался?

Не могу сказать, присуще ли мне перманентное употребление каких-либо веществ, но, судя по состоянию довольно молодого, подтянутого тела, наощупь всех целых зубов, кроме одного, по всей видимости, уже давно сломанного, и пышной кудрявой шевелюры, я здоров, как бык. Молодой такой, поджарый, мускулистый бычок. Идёт – качается.

Я просыпаюсь в помещениях, слабо поддающихся иден-

тификации, на глаза не попадают ни картины, ни фотографии, ни вещи, которые хоть как-то могли бы мне помочь. На одежде отсутствуют какие-либо опознавательные знаки. Нет ни лейблов, ни бирок, ни дурацких надписей, чтобы понять: я, может, фанат звездных войн, или патриот, или гей. Черт его знает.

Есть ли у меня деньги?

Есть ли у меня планы?

Есть ли у меня мысли?

Как всегда, много вопросов, никаких ответов, никаких табуировок ни на теле, ни на мозге.

Я решил, что не буду мучать, терзать сомнениями и всячески издеваться над собственным мозгом, а просто накину куртку и выйду в город, гулять, бродить по улицам, и как-то жить.

Получается, и для этих простых действий ни памяти, ни ума мне не нужно. Выхожу в рассветный сумрак, еще горят блеклым оранжевым фонари, но уже светает, уже видно за бледным трассером пролетающего в небе самолета: бледно-голубое небо наливается цветом, постепенно, не торопясь, солнце вылазит из-за порога ночи и нежно касается первым лучом вершины горы.

Пар еще идет изо рта, холодный воздух проникает внутрь, заполняя легкие туманной взвесью, прочищает каналы альвеол и сосудов, становится легко и приятно дышать.

Ноги помнят дорогу, или это она – дорога – помнит поступь моих шагов.

Чеканя ритм, задавая сам себе темп, я иду по спящим улицам, чтобы посмотреть, как здесь все устроено, когда только господин никто может ощупать вниманием стены домов и надписи. Как будет вести себя название улицы, зная, что его никто не видит?

Изовьется ли ужом на сковородке и переставит само в себе буквы местами, или просто сбежит с указательным знаком в прерии или джунгли. Стоять там, посреди ничего и никого, и быть таким, каким хочешь стать, даже если на заводе тебя отчеканили в шаблон.

Что если мокрый еще рассветной росой асфальт торопится закончиться развилкой, а не привычным тупиком?

Где проходит граница между голодом и тревогой? Решить задачу можно: просто, едой, глушится и то и другое, остается, однако, висящий в воздухе вопрос о первопричине этого нутряного голода, который одновременно и жидким оловом растекается по диафрагме и ощущается приливом адреналина, направленного на добычу пищи, и таким же жидким стронцием течет по каким то незримым венам нефизических тел, заставляя сознание метаться в поиске не знаю-чего-не-знаю-где, создавая ощущение, что в случае обнаружения вожака объекта все сразу встанет на свои места.

Такая смешная иллюзия. Такой ловкий обман самого себя. Так и крутится это колесо сансары, лишаясь воспомина-

ний, начинаешь каждый раз решать головоломку, которая в случае неправильного соединения пазов выдает ошибку, баг системы и перезапуск на следующий уровень, более сложный, не менее интересный, но крайне похожий.

Не оттого ли во снах я проживаю жизнь, похожую на мою, но с несколькими отличиями, как будто в соседней вселенной у меня был брат, в другой я уехал жить в Америку, еще когда был студентом, а в третьей я чувствую счастье и ощущаю дом, в котором...

В котором будто так много мной любимых книг, в котором часто смех и звучат дорогие сердцу мелодии, в котором так приятно и спокойно спать, потому что где, как не дома, ложась под одеяло, чувствуешь себя теплым, ленивым, толстым котом.

И все эти мимолетные ощущения совсем рядом, их как будто вот-вот поймаешь, потрогаешь, положишь в карман и оставишь их с собой навсегда. Но незнакомка убегает в лабиринт, и только шлейф от ее развевающегося, летящего платья оставляет ярким пятном указатель направления. Когда ты достигаешь точки отметки, она уже скрывается за следующим углом.

Так и я, охочусь за своими воспоминаниями, постоянно нахожусь на грани, еще чуть-чуть, и подсечка.

Город окутывает меня образами, запахами, звуками, отголосками разговоров людей, и вырванные из контекста фразы приобретают тысячи новых смыслов, переплавляясь в моей

голове, как в алхимическом котле. Я никогда не могу знать, какой будет результат, поэтому просто впитываю все подряд, складываю в плавильню и жду, что из этого выйдет. Черный ли дым, застилающий пол неба, ядовитый обскур, отравляющий в самое сердце, или песня духов-хранителей, что, хохоча, причесывают город, пишут на стены ловушки для влюбленных в жизнь, чтобы они вспоминали, что они влюблены в жизнь.

За мгновение до трели колокольчика, который оповещает хозяев кофейни о новом посетителе, я слышу имя, и на меня налетает какой-то совершенно невозможный ворох одежд, волос, света, запаха шоколада и апельсина и еще чего то очень приятного, обнимает, целует в щеку, что-то шепечет.

Мы вместе входим в кофейню, за столик, нам несут два капучино.

Воздушное создание, укутанное в яркое шерстяное пончо поверх белой свободной рубашки, в волосах бусины и перья, звенят браслеты, кольца, серьги, ее голос. Ну сразу понятно, улетевшая. В хорошем, что ли, смысле.

Она что-то оживленно рассказывает мне, но я понимаю, что слушать слова в этом случае совершенно не обязательно, нужно присутствовать и свидетельствовать. Поэтому я смотрю на нее, и все время, пока мы вместе, думаю только одно: "Красивая".

Больше я ничего не думаю, мне не позволяет этого инфо-

поток радости и вовлечения, исходящий от нее.

Иногда она спрашивает какие-то дежурные вещи, видимо, чтобы успеть сделать вдох, и продолжать тараторить с новой силой, поэтому мой ответ даже не столько не важен, сколько просто звучит, как фон, ни к чему никого не обязывает. Я отвечаю "Я в порядке", на вопрос "Как ты?", и этого достаточно. И так из раза в раз.

Создание сгребает ворох своих книг, записных книжек, гаджетов и ключей, что-то милое говорит на прощание, целует в макушку, и испаряется в звоне колокольчиков, трелей мобильных телефонов, шума шин по асфальту, сигналов, криков, разговоров. Во всем, чем тебя поедает самая обычная улица в самый обычный день.

Я остаюсь здесь, обдумывая то, как, оказывается легко и просто общаться безличностно. Мне не пришлось не придумывать никаких историй или событий, мне не пришлось пытаться доставать из памяти даже восприятие конкретного человека. И никто ничего не заподозрил. Я ничего не помню, но, слава богу, всем плевать.

Общение происходит на уровнях, на которых собеседнику требуется только идентифицировать тебя по памяти как человека, который в курсе общего (на вас двоих) когнитивного дискурса. Далее предоставляется абсолютная свобода самовыражения, в которой тебе не требуется иметь мнения по какому-либо поводу, не требуется знать поименно всех перечисляемых в процессе персонажей, будь то родственники,

супруги, коллеги, или дети. Не требуется так же глубокого вовлечения, поскольку с той стороны его тоже не происходит. Требуется лишь вниманием отмечать ключевые, пороговые точки, когда оппонент глазами, жестами, мимикой или, совсем топорно, словами, испрашивает разрешения продолжать льющийся поток, устанавливая для самого себя флажки пройденной дистанции повествования, убеждаясь, что вы, как собеседник, хотя бы немного слушаете. Слушать при этом, повторяюсь, не обязательно. Как и читать эту книгу. В принципе для достижения должного эффекта она может просто однажды побывать у вас в руках. Подаренной, стоять на полке в кабинете. Таскаться несколько недель в рюкзаке, ожидая повода, когда ее откроют, от скуки, или от желания потратить время, пока самолет или поезд доставляют вас из точки А в точку Б. Это все неважно. Просто побудьте, миллисекунду собой, со мной.

Внимание.

Это не призыв.

Это я сейчас буду обсасывать со вкусом этот термин, долго и смачно, облизывая умозрительные пальцы, потому что это является одним из самых моих любимых занятий: разбираться с семантикой. Здесь в предложении два раза слово "Это". Придите, и расстреляйте меня за это. Смеюсь.

Обдумывать и анализировать понятия для меня, это как поглощать пищу. Опять же, личностные воспоминания, с которыми, у меня, очевидно, проблемы, никоим образом не

вливают на способность мыслить, пользуясь какой-то внешней базой данных, которая ко мне, как к индивидууму, не имеет никакого отношения. Поэтому я в хвост и в гриву использую разные отсылки, цитаты, строки, строфы, так или иначе, возникающие в моей голове. Цепляю крючком сознания хвостик мысли и начинаю распутывать клубки смыслов, которые оказываются иногда целыми гобеленами посланий, а иногда просто спутанными между собой нитями, которые нужно расправить, развязать узелки, за которые запинаются нейрончики, и дать им быть свободными и текучими.

Внимание как термин, слово, понятие, избито и изгваздано уже таким количеством конъюнктурщиков, ни грамма не смыслящих ни в жизни этой, которая и есть одно сплошное внимание, ни в написании текстов про это. Поэтому мне бы хотелось поднять его из грязи, отмыть, отчистить, высушить, повесив на протянутые между столбом и берёзой полипропиленовые веревки, и, умытым и свеженьким, повесить к себе на стену, желательно напротив кровати, чтобы, просыпаясь каждый раз из дремучего сна, или, еще лучше, из эротического кошмара, сразу наткаться взглядом на упоминание Господа всуе, радоваться уровню своей ереси, и идти со спокойным сердцем заваривать себе кофе.

Внимание может быть хорошим инструментом взаимодействия, как было видно выше, на примере общения с таинственной незнакомкой, оно способно двигать целые процессы, не требуя интенсивного вовлечения, а лишь точечно-

го, совсем слабого.

Внимание может быть опасной силой, когда, культивируя массовость, создавая инфоповоды, возникает возможность этим управлять, направлять, манипулировать.

Вниманием можно совершить групповое изнасилование (в переложенном смысле, естественно), когда под цепкие взгляды некоего количества человек попадает один, чем-то настолько завлекающий, что от него невозможно оторваться. И здесь есть один нюанс, который правит миром, и который сидит глубоко во внутренностях анекдота про Петьку и Чапаева. Заключается он в следующем: реципиент сам определяет формат этого воздействия. И то, что изначально могло позиционироваться, или показаться кому-то изнасилованием, превращается в акт поклонения, в культ, в так называемый перформанс, когда вы несете ваше внимание на алтарь, и, почти с богопоклонническим восторгом, любовью и принятием, отдаете его вашему объекту вожделения.

А уж вожделение и жажда обладания, это, можно сказать, дыхательная система этого мира. То, на чем построена сеть Индры, точнее, ключевой ее кусок.

Я встаю из-за стола и, проходя мимо столиков, считываю потоки исходящей от посетителей информации. Перед ними стоят пластиковые стаканчики с кофе и быстрая, сытная еда. Крючки элементарных желаний. А мы, радостные и бестолковые рыбки, с упоением насаживаемся на них и барахтаемся, в танце висельника, обманутые собственными неоправ-

данными ожиданиями.

Не вожделением единым будет сыт человек, а может, только им одним?

Я думаю о том, что же толкает совершать нас ежедневные бестолковые, бесполезные действия, которыми мы определяем себя, как живых и чувствующих существ здесь. Вожделение и жажда наживы. Получить то, к чему у тебя нет прямого доступа. Это грубый взлом сознания и грабеж. Метода очень топорная. Через еду и секс получаем энергию жизни, которую утратили способность получать много веков назад. И, завязанный на этих двух простых желаниях способ существования отдаёт каким-то дурацким привкусом разложения. Преимущественно, морального, если можно так обозвать.

Корректное желание имеет возможность возникнуть у существ, которые сдвинулись в другую плоскость восприятия. Которые способны увидеть и цирк, и его комичность, и его закулисную печаль, и расклеить точки своего отношения и проекции на все это действо.

Я проваливался в пропасти своих страстей и желаний неоднократно, каждый раз больно падая, собирая все полагающиеся шишки и синяки.

Я, кажется, вспомнил свое имя, благодаря воздушной незнакомке, но это, как будто, не сыграло никакого фундаментального значения для меня в данный момент. Я всего лишь простроил ряд ассоциаций, столбец из галочек напро-

тив своего имени и каких-то незначительных проявлений самого себя вовне.

Начнем со сложного, начнем издалека.

Я вспомнил как

Подумал, что влюбился

Такая девочка красивая, искрометная была, глаза сияли живым, настоящим пламенем, жизнью, способностью на настоящую любовь

И я ее захотел

Захотел сожрать, как персик, который висит на верхушке, самый близкий к солнцу, самый спелый, самый вкусный, ну прямо, персик раздора, ни дать, ни взять

Я поступил очень грубо и жестоко, не давая ему упасть в мою руку, когда придёт время

Терпение – качество, которое я не воспитал и не культивировал

Сорвал этот персик, жадно и со вкусом, раздавил в своих пальцах сочную мякоть, пользуясь своей неумемной силой и отсутствием сопротивления, делал, что хотел, развлекался, как мог

Натурально высосал все соки

Из нее и из себя тоже

Расклад работает в обе стороны

Девочка погасла

Искрометность сменилась на душевные походы в магазин за продуктами

Сияние освящало наш дом уже редко и выборочно

Я уходил и возвращался для того

Чтобы понять, что пора уходить

Мы так много боли причинили, создали, выплеснули, продавливая и сопротивляясь

Я почти сгорел в своих страстях, пытаюсь совладать с огромной пустотной полостью внутри, которая ничем не за-тыкалась

Мы сожгли нас самих своей неизрасходованной радиацией, когда частицы в общем поле не знают выхода и бомбардируют, ускоряясь, и ускоряя друг друга

Ровно до того момента, пока не происходит взрыв,
... разруха, распад, разлад

Я хотел познать ее жизненности, она хотела познать меня

Каково это – быть вот таким мной, думать, как я, мыслить, анализировать, чувствовать, жить

У нас получилось

Это было...

В моментах даже ощущалось, как счастье

Но

Вдогонку было очень много страдания

Мы, не владея своей осознанностью, так сильно ранили

самих себя и, обоюдоостро, друг друга

Что в один день, устав заживлять и заживляться, решили
пойти в разные стороны

И в этом не было ничего плохого и неправильного, просто
два солнца в излёте, на пределе сил и способностей, перестали
сражаться

Наступила долгая ночь

Наступила долгая тишь

Я остался один в этом космосе среди звезд и планет

Наконец предоставленный сам себе

Наконец нашедший внутри себя стержень и оплот моего
нестабильного спокойствия

Я оказался на границе миров, странник, ищущий путь,
идуший вразрез и вкось

Понеслось.

Думать логарифмами стало моей прелюдией к сотворению
реальности

Они говорили: сложно

И я усложнял еще сильнее

Они говорили: тебя не поймут

Дай Бог, я бы сам себя понял

Поэтому мне не оставалось ничего, кроме того, как вспомнить,
как я убил в себе гения, казнив его в угоду толпы.

Как я предал свои идеалы, забыл свое предназначение, забыл
свое имя, стер сам себя из записей книги жизни, превратился
в пустоту, в которой не отражается никто и ничто.

Стал ничем. Обнулится.

Проснулся.

Я знаю, где записаны мои сны, сегодня я спал и просыпался дважды.

В первый раз человек, который обнимал меня сзади, начал прорастать в меня чумными ползучими щупальцами тьмы, пробираясь под кожу, захватывая, врастая, покоряя. Тянучие липучие нити не давали дышать и двигаться, я практически погряз в этом неостановимом кошмаре, который ощущался физически, рядом, близко, так сложно было сохранять дыхание.

Одним сильным рывком я выдрал себя из этой массы, вместе с кожей, мышцами, сухожилиями, вырвал себя из этого сна, проснулся, задышал. Вспомнил, как это делать: наслаждаться вентиляцией легких, чуть не умер от облегчения.

Второй раз приснилась авиакатастрофа, самолет воткнулся носом в землю, и я ощутил, как меня разносит на атомы взрывной волной. Проснулся живым, получается воскрес. Оттого, наверное, подумалось, что меня зовут: Лазарь.

Но меня зовут совсем не так.

Глава вторая

В которой Гор просыпается в луже собственной крови.

И опять я ничего не помню. Кровь натекла из меня. И нет,

я не упал звонким затылком на кафель. Похоже, что я решил отметить собственное отражение, потому что кулаки разбиты в мясо, а еще проведена успешная подача головой. Я разбил себе лоб с помощью зеркала, потому что вокруг миллиард окровавленных осколков, отражающих весь сюр ситуации, а на лбу здоровенная шишка и запекшаяся сукровица. Я поднимаю самый большой осколок, чтобы оценить свой вид, и тихо матерюсь, потому что выгляжу так, будто из окопа вылез. С другой стороны, есть ли разница, как я выгляжу, потому что я все равно не знаю, а надо ли мне выглядеть хоть немного прилично? Для кого? Зачем?

Пытаюсь привести себя в порядок, параллельно думая о том, что могло такого приключится со мной вчера.

Вцепившись железобетонными пальцами в раковину, орал, в отчаянии выдал серию ударов, завершив все это буйство счастливым обмороком. Счастливым, потому что, наконец, отключился и перестал пытаться уничтожить сам себя. Но я себя знаю, я сегодня продолжу этим заниматься. Самоуничтожение это любимый вид спорта практически всех людей, а я человек, и ничто человеческое, как говорится...

Столько разных способов надурить самого себя, а потом обвинять и страдать от этого. Карусель никогда не останавливается, ты только иногда слазишь немного поблевать в сторонке, а потом снова лезешь крутиться, даже если приятные ощущения уже давно закончились, осталась привычка, с которой ты ничего не можешь поделать, и уже по инерции про-

должаешь все эти сумасшедшие действия, которые не приводят к результату, а лишь тратят время.

Тем не менее, в определенный момент ты осознаешь, что настолько сам себя заебал, что тебе невыносимо находиться в собственном теле, и ты принимаешься методично его разрушать.

Разного рода истязания предоставлены в широком объеме, в аду черти не нужны, мы сами берем инструменты и начинаем инквизицию.

Крестовые походы против собственного разума. Джихад сознания. Бой с тенью.

Кого я пытаюсь удивить?

Кого я пытаюсь сразить одним ударом?

Я нахожу табак под столом в гостиной и это благо. Задушить собственные лёгкие, лёгкий BDSM. Так приятно самого себя связать и ограничить, почувствовать уютность сжимающего со всех сторон латекса, который не позволяет выйти за пределы себя, очерчивая понятную границу, обозначает поле влияния.

Ведь если выходить за рамки и расширяться, если познать и признать свою силу, станет невыносимо страшно от возросшей ответственности за происходящее.

Поэтому, именно поэтому я выстегиваюсь сам на себя.

Из раза в раз

Из года в год

Из жизни в жизнь

Вышел, повернул за угол, повернул мысль. В протекторах на ботинках застряли шоркающие камешки, скрипя, иду по улице. Холодные последождевые сумерки начали спускаться на город, в котором меня нет. Как будто я сплю и мне снится моя жизнь в этом месте, которое своей красотой захватывает, завораживает, кружит в танце, не дает повода сомневаться, не дает повода умирать изнутри. Фонари всю ночь стреляют навывлет, светом пронзая до подкорки с противоположной стороны. Тот, кто меня не понял бросает книги в костёр, но это не плохо.

Пускай будет так.

С каждым шагом вибрация повышается, и я не замечаю, как проваливаюсь в другую реальность. За дымкой полуприкрытых глаз пейзаж плавно меняется, теряет текстуру и цвет, ночь сменяется на день, асфальт превращается в песчаник, стены домов перекидывают полномочия от кирпича и бетона к известняку. Здесь почти все из него построено, и я продолжаю идти под палящим солнцем по улицам какого-то древнего города для того, чтобы свидетельствовать ненависть бога.

Я чувствую, как в воздухе разлита эта жаркая, невыносимая субстанция, как она пропитывает и просачивается сквозь поры на коже, и ты начинаешь сам, весь, целиком из нее состоять.

Как будто навалили звук, становится громче слышать и

дышать, я продолжаю наблюдать за происходящим. Сначала замечают самые чувствительные, им поначалу тяжелее всего, видно, как у них давлением внутри черепа почти выдавливает глаза, и это повышение порога входа. Постепенно чувство накрывает всех вокруг, с треском рвется реальность и в воздухе висят сияющие черным и красным аидовым светом полосы – места, в которых начинают появляться жгучие порталы в другое измерение. Паники нет, есть только ужас, потому что каждый понял, что отсюда уже точно не сбежать. Они стоят на месте замороженные, не способные кричать, бежать, предпринимать хоть что-то. Воздух стягивает полотном, обволакивает, душит, среди мерцающих частиц застывшего в воздухе кварца и замедленного времени я слышу гулкий зов. Я не могу не подчиниться, но мне отчего-то совсем не страшно.

Я подхожу к постаменту, на котором возвышается сидящий в позе самурая (сэйдза, хотя самураев, пока что еще даже не изобрели) живой бог. Это его медитация гнева, мне позволено находиться рядом. Он велик. Ростом. Сущностью. Происхождением. Велик, величественен, исполнен. На него трудно смотреть, потому что он ослепляет и обжигает сиянием своей истины, не позволяет ни миллиграмму ложного просочиться в свое поле.

Рядом физически тяжело и давяще, приходится отслеживать вторичные мыслеформы, удерживать каркас оболочки. Иначе...

Иначе разорвет и растащит, низкие вибрации вычищают протоки.

Время замедлилось, я вижу, как отслаивается омертвевшая кожа с рук.

По сторонам страшно смотреть, но я не могу не видеть, даже с закрытыми глазами, как он взрывает город изнутри.

Грозовая ярость обрушивается шквалом огня, испепеляющее пламя проносится вдоль улиц, в момент испаряя людское марево.

Два оставшихся в живых человека.

Я и она.

Я слышу ее тихий всхлип у него за спиной. Поберег, спрятал.

Возлюбленная великого бога Гора, императрица трех пустынь, моя мать.

Однажды, будучи юной, доброй и несмышленной, обменяла свой браслет с чистыми изумрудами на безделицу. Деревянную флейту, которую подарила моему отцу. Сказала, никаких камней и золота не жаль, если только ТЫ мне улыбаешься. Не знала, что он тогда прикидывался мальчишкой с синими глазами, просто чтобы посмеяться.

Так смеялся, что сам не заметил, как от ее смеха провалился в Царство Аида. Вернулся, разумеется. Ему все можно.

Можно стать самопровозглашенным наместником, можно повернуть русло реки вспять, можно исполниться презрени-

ем и начать войну миров.

Можно в этой войне занять любую сторону, и принести самого себя в жертву ради победы. Можно веселиться и веселить других богов. Можно от человеческой женщины заиметь дитя, так раньше никто не делал, но этому точно все нипочём, он не подчиняется никаким правилам.

И можно уничтожить самый великий город на земле, столицу империи, город пересечения трех торговых путей и порта. Уничтожить, просто потому что можешь это сделать.

Можно придумать тысячу причин, да нужно ли?

Не имея обязанности никому объяснять свои поступки, Боги играют в трёхмерные шахматы, просто потому что скучно. Обладая силой и бессмертием они ставят на поле свои фигуры, и начинают сражение. Шахматы – не единственная аналогия, которую мы у них переняли. Нам тоже хочется быть богами, нам тоже хочется играть. Мы играем в го, мы играем в бридж, мы играем в покер. Континентами и странами, городами и деревнями. Мы играем даже друг с другом, постоянно меняя правила, на лету переключаясь на другую игру.

Мы так сильно хотим познать эту природную жестокость, забывая о том, что Боги не знали жалости, и поэтому были обречены на смерть.

Настоящую смерть, без перезаписи, без бэкапов на резервном сервере.

Ту, которой каждый из нас отчаянно боится, но никогда

не получит.

Ту, от которой так трясется и дрожит существо, познавшее бесконечность, и не желающее ее терять.

Ту, которая случится не с нами.

Потому что по воле случая в нас произошла трансмутация сострадания, а это отправляет наши души напрямиком в рекурсивное колесо сансары.

И если вы думаете, что это не так...

Что ж

«Ненависть корчится где-то

Ненависть шрамом нательным» (Тима ищет свет – Волна)

Будучи сыном своего отца, я нисколько не удивлялся, когда понимал, что моя ненависть так же может сжигать целые города. Я унаследовал от него этот поток невероятной силы, которую, будучи человеком не всегда мог контролировать. Я умудрялся разрушать самые хорошие вещи и самых прекрасных людей.

Ненависть вытравила на мне шрамы

Кислотой проела незаживающие раны

Дымящиеся воронки от снарядов

Я провел в сражениях так много дней, лет, веков

Чтобы понять

Что я сражаюсь

С самим собой

В отчаянии, достигнув самого дна, я принимался вытаскивать из грязи

Такие же потерянные души

И, оставшись в одиночестве в этой бездонной яме

Понимал

Что мне уже никто не поможет

И никто не помогал

Крик раздавался в пустоте

И кроме этого крика

Я не слышал ничего

Пока однажды не понял

Что этот крик издавать и слушать некому

Самоосознающая пустота вольна строить реальность такой, чтобы казаться веселой самой себе

Хотя ни веселья, ни горя, ни радости, ни страха не существует

Я выбираю сделать этот шаг

От ненависти до любви

Длинною в пять тысяч ли

В два эона

В три переложенных в пятимерное измерение экватора

Для того чтобы

Уложив голову пробитым затылком вниз

Смотреть закрытыми глазами в потолок

И слушать в наушниках звук натянутых струн

Звук артерий и вен

И хохот сирен

Чтобы идти по улице, случайно заворачивать в случайный

бар

Встретить там беспокойство, концентрацию, скуку

Чтобы пойти дальше в темноту переулка

За два поворота справиться с тротуаром

Выйти к домику, в котором звук и свет

И раствориться раз и навсегда в этих беспорядочных сполохах

Людей, жара камина, тёплых рук и теплых взглядов

От матери мне досталась часть, которую именуют состраданием, и которая не имеет ничего общего с жалостью.

Возможно, отец хотел, чтобы так получилось, потому что в смешении разных ингредиентов ДНК получается иное качество, мутация жизни.

Я способен на уничтожение, ярость, взрыв. Но, пользуясь инструментом управления силой, я так же способен этого НЕ СДЕЛАТЬ. И это самое дорогое и ценное, что у меня есть.

Потому что разрушение – это очень просто, стоит только поддаться этому потоку, ничем его не сдерживать, распалая гнев, создаёшь реакцию побочки, цепную энтропию, которая затихает только на исходе топлива, то есть, когда уже нечего разрушать.

И та же самая сдача своей собственной силе, ее принятие, признание, ее уважение приводят к тому, что ты становишься способен не то, чтобы останавливать, или бороться с нею, но мягко и без сопротивления нивелировать эффект

поджигания форсунок, и перенаправить готовящийся атомный взрыв в реакторе в русло созидания.

Сострадание не означает, что ты бросаешься спасать утопающих в собственных слезах котиков. Это так же не означает, что кто-то должен приходить к тебе на помощь.

Но вот когда меня разрывает на части от моей собственной энергии, когда весь день наполнен бегом за белым кроликом, и все разговоры и все дела не только не тратят этот потенциал, но, как будто, еще больше разгоняют и разжигают, и не отпускает. Накидываются дальше: люди, идеи, просьбы, смыслы.

Но.

Приходит друг. Говорит, я забираю тебя с этой вечеринки. И, даже если очень весело, обуваешься, накидываешь пальто, и выходишь за ним в прохладную горную ночь.

Пара кварталов вниз по улице, и вы на месте.

Без лишних разговоров, без тревоги, без напряжения, четко и по делу.

Садись, держи кружку с водой, давай прольем чай, будем смотреть фильм.

Неважно, неважно, неважно.

Главное рядом, главное, связь с космосом налажена и встроенный приемник посылает сигнал SOS тому, кто способен услышать.

Услышал.

Сидел в ночи, рядом, близко, током, мягким, теплым,

пробуждалась простая нежность, которая не требует, а лишь обнимает тебя и твою душу.

Смотри, вот я, здесь, творю: мир, историю, звук.

Смотри, вот ты, здесь, творишь: мир, историю, звук.

Вместе.

Только так эти вещи работают. Вместе.

В сплетении наших мыслеобразов, устремляясь вибрацией в космос, внедренное через неокортекс понимание сути и сущи.

Я знаю, каково быть тобой, благодарю, что показываешь мне, как это.

Ты знаешь, каково быть мной, поэтому выходишь на связь именно тогда, когда это необходимо.

Это саппорт и опора, это то самое ощущение общности, к которой все неистово стремятся, но никак не могут достичь.

А такое достигается только на тональностях родственного духа.

Я распознаю в мелких деталях свою стаю.

Запах. Цвет глаз. Звук твоего голоса.

Я вижу твою способность на Со-переживание.

И мы вместе отправляемся путь, длиною в один день, или в целую вечность. Это не имеет абсолютно никакого значения, времени совсем не осталось, или его у нас попросту нет.

У нас его совершенно нет на разборки, обвинения, обиды, выяснения отношений.

От этого повышается ценность каждого мига, который мы можем подарить друг другу. В чистоте сознания, в ясности мысли, в скорости понимания. Я дарю все самое лучшее – тебе, прямо сейчас.

Потому что я просто не могу себе позволить этого не делать. Потому что если я не выбираю качество, я предаю себя. Я предаю свое происхождение, свое величие и свою силу, которая в наказание всегда оборачивается против меня.

Когда я выбирал гасить свой огонь, это выступало очередным катализатором, бензином в костер, который по итогу мог спалить не только палатку и лагерь, но и весь лес.

Держа в руках обгоревшую мертвую птицу, я поливал слезами отчаяния смерть, которой нет, но она есть. Вот же, в моих ладонях, радужное оперение, черный нагар. Поющее, радостное создание, трелью разносящее звонкое утро в осеннем лесу, лежит, повернув аккуратную головку набок и чуть приоткрыв маленький клювик, и не двигается, не дышит, не дышит.

Горечь подступала к горлу давящим комом, слезами тут не поможешь, смерть никак не исправить, и ситуацию никак не спасти.

Это было так больно для моей души, так неистово жгло и горело в груди, что я понял и причину, и следствие, и исток и исход.

Маленькая птичка в моей руке больше не будет петь, но я сделаю так, что из-за моей неконтролируемой ненависти

больше никто не пострадает.

Потому что такого не заслуживает никто из живущих, никто из тех, кто, даже будучи глуп, или слеп или невежественен, не является ни чистым злом, ни концентрацией его, ни его вместилищем.

А является лишь сосудом, транслятором, кристаллом, искрой Источника, из которого мы все, одинаково и единовременно, произошли.

Так может ли один божественный от – звук желать зла и боли другому, такому же от – звуку? Только сам себе причиняешь и боль, и удовольствие, игра в миллиард песчинок, которые есть одно сплошное океанское дно.

Я обучался самурайскому искусству бесстрашия в самых ужасных своих сражениях, и теперь, спустя столько лет, я не боюсь. Я не боюсь почувствовать, что ты меня не любишь, а это было страшнее всего.

Потому что.

Саксофон не перестанет звучать от того, что ты уходишь в сумрак вечной тьмы, ты забираешь с собой часть моего сердца, но не всё. Потому что, как будто тысячи раз смотрел тебе в спину, желая разрядить туда всю обойму.

Но ты идешь и не оборачиваешься, а я оставил только один патрон, и он явно не для тебя. Потому что, моя нена-

глядная, я никак не мог на тебя наглядеться. Потому что, моя дорогая, я не мог выменять тебя ни у одного из самых богатых менял. Потому что, моя любовь, ты сражаешь меня наповал, когда я смотрю в твои глаза, они, как два револьвера, «Берта и Дырокол.» (Э.Веркин)

И когда я вспоминаю, ради чего я сжег целый город, у меня не остается ни жалости, ни тоски.

*«Они же жрать тебя захотели, слизывать с липких пальцев, и бог не простил,
Диких неандертальцев»* (С. Ананасова)

Я не знал сострадания, но ты его знала.

Я не знал любви, но ты показала.

Как это

Когда ограничиваясь пространством между нами, волновые потоки пульсируют сетью, окутывая и обволакивая, мягким дрожащим электромагнитным напряжением, заставляя искорки между нами плясать и сиять. Когда я веду рукой по твоей коже, и начинаю чувствовать, как будто это моя кожа тоже. Как будто внутри мы спаялись, сцепились, срослись, и у нас одно на двоих сердце.

Как будто я уже не различаю разницы между тобой и мной, между внешним и тем что внутри, и в такой сингулярности меня точно все устраивает.

Ты – совершенство нежности, ты та, кто может успокоить

бешеное пламя моей ярости. Ты не одна из нас, ты не одна из них. Я, похоже, так и не разобрался, что ты за существо. Но решил, не стоит будить спящее эхо. Потому что видя, на что способна твоя любовь, я чуть не поседел от страха, когда представил, на что может быть способна твоя ненависть. Я бы очень сильно не хотел однажды тебя такой узнать. Потому что это будет последнее, что я увижу, а потом наступит настоящая смерть, и тебе не помешает ни мое божественное происхождение, ни законы физики этого мира, потому что уничтожать так, как ты можешь, не может никто.

Я однажды тебя утратил.

И с тех пор так хочу вернуться, что в отчаянии пробиваю головой зеркала и стекла, в попытках вспомнить боль, причинить ее самому себе и отрезвится от своих диких снов.

Которые все разные, но все об одном и том же.

Подумалось, что меня зовут: Гор, потому что будто побывал им, в том пространстве и времени сна.

Потому что я потомок его, носитель его силы, и тот, кто сможет продолжить великий род.

Но как бы там ни было, я – не он.

И это снова не мое имя.

Я просыпаюсь в луже собственной крови, но это не приговор.

Я всего лишь разбил свое отражение, подрался с тем, над кем у меня нет власти.

Я всего лишь снова не узнал себя в зеркале.

Печальный факт. Веселая жизнь.

Глава три

В которой Люциус просыпается и у него просыпается кокаин.

Я-волк, я-волк, я-волк.

Ритмично ударяя кулаком в грудь, я повторяю, что я волк, или я просто помню, как в какой-то из прошлых жизней я был волк? Стайная суть, суть стаи. Там, где один пробирается и тропит, выбиваясь из сил, не в состоянии поймать хоть сколько-нибудь ценную добычу, двое превращаются в дикуую стаю, способную защемить медведя. Где бы я был, воя в бездонную ночь, надрывая горло, надрывая мою волчью душу, где бы я был, если бы однажды не встретил тебя. Я смотрел издалека как ты охотишься, как ты ловко ловишь рыбу, и не пытался поймать твой взгляд. Потому что у нас взгляд глаза в глаза означает: рвать. Рвать друг друга на кровавые ошметки, и если никто не отступит, не увалиться кверху пузом, а драться до первой смерти. А я не хочу с тобою драться. Я хочу, чтобы мы прикрывали друг другу горло. Я твой волк, ты мой волк. Вместе мы пройдем 7 тысяч километров по горному хребту. Вместе мы поохотимся, загнав горячего, тяжело дышащего сохатого на обрыв, и сбросив его оттуда. Вместе мы будем спать в ворохе, осенних листьев, тепло прижавшись друг к другу, спрятав носы хвостами, наострив

уши радаром на незнакомый звук. Вместе мы... Ты только сдайся, один раз, большего я не прошу, один раз, будь смелее своей храбрости, будь отважнее своей ярости, отведи взгляд в сторону, чтобы мы не убили друг друга.

И, замерев в предутренней дымке, на меня смотрят черные волчьи твои глаза, и ты отводишь взгляд. Одновременно решая, что теперь мы – стая. Внутри меня радостный вой, внутри меня кипит и бурлит, но я спокоен. Ты со мной, а это значит, мы скоро будем из разорванных глоток лакать кровь и драть кожу и сухожилия, это значит, что один идет впереди, второй в метели заметает след, это значит, что сила двух объединяет ярящийся хаос и холод горной реки.

Ты была очень осторожна, но я тоже ловко охочусь. Я переворачиваюсь на спину, доверяя самому опасному хищнику самое слабое место, и ты доверчиво тычешь головой мне в живот.

Так рождается абсолютное понимание сути. Доверие. Простота.

Я вспоминаю смерть. И мне совсем не страшно, потому что ты гладишь меня по лицу, а у меня останавливается сердце, я закрываю глаза. Я вспомнил смерть, в пылу сражений, так много раз, изможденный и раненый, я истекаю кровью из вспоротого живота, вспоротого хребта, конечностей. Ты склоняешься надо мной, моя валькирия духа, так попадают в

Валгаллу? Если да, то я готов за тебя сражаться, потому что когда я на последнем вдохе беру тебя за скользкое от крови предплечье скользкой от крови рукой, ты смотришь мне в глаза, я вспоминаю, как легко можно умирать. Ты так много смертей прошла вместе со мной, и каждый раз, когда я умираю раньше, ты- рядом. Ты рядом, когда Бешеный Келли прострелил мне печень, ты рядом, когда в пустыне над нашим поверженным легионом кружили стервятники, ты рядом, когда у нас заканчивается кислород в пробитом межпланетнике, и я первый теряю дыхание. Ты рядом.

Я вспомнил так же, что ты всегда умираешь одна. Если я вперед, то, получается, я тебя оставил. А если ты раньше, то я никогда не смог вовремя проснуться, а ты уже скрылась в утреннем тумане, детям нужно сказать: мама ушла к волкам в лес. Ты никогда не позволяешь мне смотреть, как ты умираешь, я не знаю, во имя чего ты так бережешь меня, я же хочу быть для тебя тем же ангелом смерти, облегчающим и ведущим. Но ты убегаешь в лес, чтобы там, среди своей стаи, в окружении серых шкур, горячих, жарких, лечь в ложбинку под деревом, и уйти.

В смерти мы так одиноки, и часто так беспокойны, но уже много веков я держу тебя за руку и мне не страшно. Ты ведешь меня через бури и грозы, через этот тысячелетний бардо тхедол, и когда я снова ничего не помню, когда я тебя встречаю впервые в миллионный раз, сигнал для распознавания, я думаю: я хочу умереть на твоих руках. Я хочу быть

рядом, в момент самого сильного принятия и прощения. В момент облегчения и отпускания тяжелого доспеха материальной оболочки. Я человек ещё пока, поэтому мне бывает страшно.

А может, ты вообще не знаешь смерти? День твой начался и не закончился, свет и тьма сменяют друг друга, жизнь сменяет жизнь, циклы проходят зонами, солнце в бесконечном потоке замерло на горизонте в одной точке. Ты закрываешь глаза на один миг, и переходишь на следующий этап. Без костылей в виде туннеля со светом, без тысячелетнего бардо тхедола и медитаций, направленных на подготовку к смерти. Может быть, в реальности, в которой ты живешь и дышишь, кроме жизни и дыхания больше ничего нет. Нет разности потенциалов, полюсов и спектра боли и удовольствия, по которому мы все, как по спирали двигаемся, состыковывая точки, на грани, всегда. Боль – это наш маркер. Если тебе больно, значит ты жив. Если не больно, значит ты мертв. Не потому ли мы так стремимся к страданию, к его созданию и его проживанию. Потому что без него не умеем чувствовать жизнь. Потому что приходится все время ставить себе будильник, таймер, напоминание: ты давно ничего не чувствовал, жажда, жажда, поиск. Бежишь так рьяно в эту область собственного мрака, выковыриваешь оттуда сгустки, кровавые раны, отметины. Чтобы на фоне сравнения познать кусочки гор на фоне неба, чувство безопасности и одаренности, ни к чему не привязанности, чистости мысли. Одним сло-

вом, всего этого, что априори чувствует твоя Бессмертная душа, когда переходит рубеж восприятия извне и погружается в восприятие изнутри.

Я прошу: научи меня.

Я прошу: покажи мне.

И ты смотришь на меня из мрака, ты говоришь: ты не знаешь, о чем ты просишь.

Ты говоришь: ты не готов.

Ты говоришь: погнали.

Твоя веселая ярость подстегивает и бодрит, ты не знаешь жалости.

...

Сначала ты погружаешь меня в боль.

Самыми отчаянными способами, самыми нетривиальными путями. Я собираю артефакты, кладу на полки воспоминаний, и с каждым следующим твоим словом я все больше понимаю: боли нет, это иллюзия.

Ты смеешься. Это только начало.

Там, где меня разрывают на части, там, где тысячи игл впиваются прямо под кожу, там, где огнем горит и плавиться обнаженная кожа, там ты проникаешь внутрь, в каждую клетку и пору и взрываешь. Потому что тебя таскали на костёр такое количество раз, какое не сосчитать на пальцах наших рук. Потому что тебя разрубали вместе с броней одним ударом, от предплечья до бедра, резко и тяжело, потому что

ты потеряла стольких из тех, кого любила, что уже не смогла от болевого шока чувствовать боль. И в этой короткой передышке пришло то самое осознание. Оно приходит и ко мне. Боли нет. Слабого убивает стая. Славный парень умирает в рядах первых.

Что мы делаем с теми, кто слаб духом?

Ты мне расскажи.

Ты, яростная и непримиримая, ты научила меня беспощадности. Научила, когда без лишних разговоров отсекала головы с плеч, за одно неосторожно сказанное оскорбление казнила на месте, показывая, как не стоит с тобой обращаться. Любое слово несет последствия, любое сомнение карается немедленной смертью. Оголенное острие меча, ты – суть и сущность истины, которую защищаешь. Очень жестко, идеально, последовательно, ты отсекаешь всех, кто мешает идти. Ты идешь одна, если это необходимо, не жалуясь, не тоскуя, не оборачиваясь. Потому что когда идешь по натянутому канату, босыми ступнями прикасаясь к пустоте, можно упасть, очень легко, если отвлечешься на крик из толпы. Поэтому ни в коем случае нельзя позволять себе смотреть вниз и назад, ни в коем случае не равняться на тех, кто стоит задрав головы и зевает, потому что они даже не представляют, чем ты занимаешься и сколько усилий к этому было приложено. Потому что они думают, что тебе просто повезло. Потому что каждый в тайне надеется, что ты упадёшь, потому что это захватывающе. Это пугает. Ужас и величие. Страх и

ненависть. Жаль, что я не в Лас Вегасе.

Я научился рвать горло всякому проходящему, я научился делать так, чтобы победитель всегда забирал самый большой куш, и так же научился всегда быть этим самым победителем. Я обрел вседозволенность.

Что дает вседозволенность?

Всемогущество.

Можно все. Буквально. Только могущество отмеряется осознанностью, и просто так никому не даётся.

Вот ты.

Левая Рука Тьмы.

Ты способна на безумное зверство. Ты способна силой своей, которую сдерживала и которую боялась, строить и разрушать миры. Страх собственной силы порождается от неумения ею управлять. И это не о контроле совершенно. Это о взаимодействии на таких частотах, которые недоступны тёмному сознанию. В этом состоянии ты настолько чисто пропускаешь через себя поток, голос вселенной, что начинаешь говорить со мной в третьем лице. И я вижу. Я смотрю в твои глаза. В первый раз в этой жизни, внимательно, смотрю, и вижу там всю вселенную, которая стоит два рубля три копейки, замок сожгите, принцессу изнасилуйте и убейте (*макулатура вся вселенная*)

Я действительно тебя впервые услышал и увидел твою

красоту. Я увидел, что ты не можешь не быть ею. Я увидел в тебе себя: белоснежного пернатого змея, дракона, постигающего пустоту. Я помещаюсь в твою чистоту и прозрачность как в диско шар – перевертыш. Все зеркала внутри, и я отражаю сам себя миллиардами светобликов. На мгновение я слепну от этого нестерпимо яркого света, но потом понимаю, что пустота не может навредить пустоте. Что пустота стоит и говорит: записывай в неокортекс, прямо сейчас, когда тебе будет трудно, когда наступит самое черное твое отчаяние, вспоминай этот день, вспоминай этот момент прямо сейчас, я твоя вселенная, я люблю тебя, смотри, вот солнце, тепло, синь неба и облака, смотри вот в твоей руке – моя рука. Я люблю тебя два месяца назад, вчера, сейчас, вот мой свет.

У нас совсем не осталось времени. У нас его попросту нет.

Она говорит: я пишу книгу. Щебечет что-то рассказывает о своих приключениях. Говорит, представляешь, у меня личный телепорт с берега в горы, я каждый раз с ним еду, и я все про него помню. Сын занимается боксом, кошка везде ссыт, суд никак не может выиграть, жена звонит. И так о каждом. О каждой. Как трансформировать любовь в ненависть. Идет и показывает, улыбается солнечно и радужно каким-то гопникам в тачке, они чуть не поседели. Говорит, вот смотри, как это делается. Алгоритм. Один раз покажу. Один раз повторю. Один раз напишу про это в главе моей книги, читай, вспоминай, привет, солнце. Да, я делаю это все для тебя, ты – центр мира.

Иерофант, бог император, капитан космического корабля. Я сделаю для тебя все что хочешь, только произнеси заклинание вслух. (Смоки Мо – 46) Желание твое для меня закон, будет исполнено, действительно – все, что ты хочешь.

При условии чистоты сигналов, Трансляторов, налаженности коммуникации и осознанности. Научный факт, нейронные связи крепче, если человек влюблен. Тогда уравнение решается просто. Один бог знает, что меня удерживает от написания капслоком этих слов. Чем больше любви, тем чище трансляторы, тем быстрее работают связи, и там, где тек немощный ручеек, через время бушует горный поток. Река силы, которая смывает мосты и дамбы, разносит в щепки старые устои, выносит двери и открывает проход в другую реальность.

Вот смотри.

В этой реальности мы, вдвоем, не спим всю ночь, смотрим старые фильмы братьев коэн, курим самокрутки и играем на гитаре и гусях. Поочередно. Вместе. На флейтах. Потому что это весело.

В этой реальности я стою на берегу моря на большом камне и обнимаю тебя за шею, а ты учишься мной восхищаться.

В этой реальности я глажу тебя по голове, пока ты смеешься изо всех сил, сидя рядом, с видом на горы попивая кофе.

Любовь моя, я всегда с тобой рядом, куда бы ты ни пошла, куда бы ты ни пошел, даже если ты идешь нахуй, ты идешь

туда вместе со мной.

Однажды

Я перестану хотеть

Есть пить спать

Но это не будет означать

Ни чистой смерти

Ни чистой жизни

Это всего лишь означает

Что мне уже больше не нужны никакие вещества

Чтобы сдерживать мою силу

Которую я всегда желал и боялся

И когда я признаюсь себе

Что я боюсь

Я перестану бояться

Когда я признаюсь себе, что я злюсь

Я перестану сражаться

Сам себе неся наказание

Я перестал слышать и слушать

Мою вселенную

Пока однажды

Она не свалилась мне на голову

Ворохом моих мыслей

Транслируемых через другого человека

Когда каждое слово как будто говоришь сам себе

Привет, мудака

Долго еще собираешься страдать?

Или уже купишь себе ламбо или ферра
Вот такая эль проблемо, смекаешь? (*Morgenshtern*)
И не на тяжким трудом кровно заработанные
А на те, что с почитанием принесут и положат к твоим

ногам

За то лишь
Что ты, Атомный Реактор, Источник Силы и Жара
Просто есть
Это любовь твоя же, возведенная тобой в абсолют, и
Возвращенная тебе во сто крат
Только представь масштаб
Ответственности за эту силу
Которую завещаешь себе
Которую позволяешь себе
Которую ты себе даришь
И у меня нет ни единого сомнения
В твоей безупречности
И в совершенстве Любого твоего выбора
Ибо я не знаю границ
Ибо я есть любовь вселенной
Я могу только так.

Однажды я решил.

Что, либо я умру рано, но смерть моя будет эпатажна. Либо я умру поздно, но жизнь моя будет эпатажнее вдвойне.

Маргиналов никто не любит, особенно сами маргиналы. Гедонистов тоже никто не любит, но они, по крайней мере, эстетически приемлемо выглядят. Поэтому я решил посвятить свою жизнь гедонизму.

Поэтому я потратил так много времени на блядство и бухло.

Поэтому я безостановочно курю самокрутки и никак не могу отказаться от кофе. Поэтому, именно поэтому.

Все о главном. Шлюхи о главном, кокаин на шлюхах и внутри них о главном. Моя жизнь о главном.

О том, как дух воплощается в материю через вибрацию звука.

О том, как дух теряет связь с источником, оказываясь в ловушке матрицы, и застревая на всех планах пяти измерений поочередно.

О том, как чисто и легко работают каналы связи, когда перестаёшь убивать свою жизненность и силу, и даешь ей проявляться.

О том, как останавливать время. Прошел день, а как будто две вечности.

Прошел месяц, а как будто один миг.

Время нелинейно. Это так просто для осознания, когда ты уже им управляешь. Просто говоришь самому себе в прошлом, что разобрался и порешал вопросик и берешь на веру. А, поскольку, здесь все состоит из веры, вера привет, все сбывается. Сейчас. Уже сейчас модно быть счастливым.

Уже сейчас можно быть свободным. Никто и ни что не могут ограничить твою жажду красоты и свободы, которые ты приобрёл, когда сынициировал вербальное общение с духом пробуждения жизни. Пустота не может навредить пустоте. Вы отмечаете свадьбы как похороны, и похороны как свадьбы. Все перепуталось и смешалось. Во сне я прошиваю папки с алгоритмами и источниками. Занимаюсь скрупулёзным подведением итогов.

Желание сожрать сразу 8 марок.

Желание снюхать весь кокос.

Желание выпить весь чай.

Вспомнил сон, в котором.

Мы с моим другом играем в шахматы всю ночь, обнюханые почти до невменоза, но очень и очень сосредоточенные. Потерянные оба, на задворках вселенной, забывшие свой путь. Один из нас перевернул матмодель работы двигателей у себя в голове и понял, как работают векторные потоки передачи информации. Другой из нас определил траекторию движения молекул во время большого взрыва и по энтропической модели расширил поле влияния своей космической оболочки. И вот мы здесь, позывные заяц – волк, играем, нанюханые, в шахматы, вместо того, чтобы покорять мета-вселенные.

Но это так, лирика, и вообще ничего страшного. Это всего лишь сон, за который, я, можно сказать не отвечаю.

А отвечаю я немножко за другую реальность.

За реальность в которой деньги стали реальны.

И по какой-то причине, снова все перевернув, человеческий род сделал из самого прекрасного проявления сияния духа в пошлое прошлое, пошлое будущее и отсутствующее настоящее.

Я представил себе: пьеса в переложенном варианте, космическая одиссея об огромном потенциале и проёбанных возможностях. Каждый новый день ты находишь новые возможности обосраться и новые способы себя обмануть. Я даже разработал краткое пособие по тому, как грамотно наебать самого себя, с выгодой для всех участников кружка по интересам имени Билли Миллигана.

Страх боится самого себя. Хватит желать смерти и бояться ее одновременно. Хватит жить, как будто ты знаешь, что будет завтра. Хватит быть трусом, у тебя только один шанс, один выстрел, одна возможность.

В каждый момент, не заставляй сам себя ждать, ничего не происходит в потом. Сейчас ты делаешь выбор, вспоминаешь лезвие, границу между жизнью взаймы и смертью на все бабки, и идёшь в свою тотальность в свою тональность так, чтобы у всех заложило уши, потому что ты – сверхзвуковой истребитель.

Ты – тот, кто правит мирами, ты – многоликий Шива, я знаю тебя в лицо, ты – Волк с Волл стрит, бей себя кулаком в грудь.

Подумалось, что меня зовут: Люциус, созвучно с lupus, lupos.

Луперкалии нынче редко, мы забыли, как поклоняться богине волчице, как ее лелеять и восхвалять.

Я отныне собой возвращаю традицию. Я не помню, как пишется мое имя, я вою его на луну.

Глава 4етыре

В которой Оскар просыпается в гробу

М-да, экзистенциальный такой опыт, просыпаться в гробу. Вроде как, умер. Но не совсем. И даже костюмчик, крайне подходящий случаю. Очень красиво.

Входит ревизор.

ТЬфу.

Точнее.

Входит Марселас. Мы смотрим друг на друга секунд двадцать. Он достает ствол, но уже поздно. Я успеваю прострелить ему башку раньше.

Здесь, наверное, стоит пояснить, почему я проснулся в гробу, и почему я все помню.

Такое не забывают.

Начнем сначала, начнем издалека. Женщины и книги. Я всегда любил книги и женщин. Оттого ли, что эти две параллельные вселенные погружают меня своим воздействием,

своим присутствием, своим вливанием меня в такие области внутри меня, которые никакими препаратами, никакими приемами кунг-фу не вызвать.

Я много раз видел, как люди душат друг друга любовью. Но это ли проявление ее? Я только помню, как на морском берегу гладил твои ноги и волосы, искрящимися каплями покрытое тело, так много оголенной плоти, от которой невозможно удержаться, но и невозможно прямо сейчас взять и сожрать тебя целиком. Я всю жизнь смотрел на женщин, со страстью, с похотью, с вожделением, с интересом. У них были разные манеры и лица, фигуры и взгляды. Я смотрел на едущих со мной в метро, старых и молодых, красивых и уродин. У некоторых были лица простолюдинок, у некоторых: голубая, чистая кровь, породистые такие, видно, видно издалека. А ты оказалась похожа на всех сразу, а больше всего – на меня. И это было так захватывающе и страшно одновременно, что я внутри сначала сжался в точку, а потом разросся до размеров вселенной, до размеров твоих зрачков.

И я следил за твоими зрачками, пока ты читаешь подаренную мной книгу, как ты перескакиваешь по диагонали на две строчки, и возвращаешься назад, как проглатываешь два абзаца за две секунды, и, время от времени, подносишь ее к носу, чтобы понюхать свежие чернила. Ты поднимаешь глаза и говоришь: давай торговать героином в южной Африке. И

смеешься. Очень всерьез. Но несерьезно.

Кто был моим проводником из тусклого мира психов в радужный мир снов. Я впервые открыл Кинга. Я впервые открыл Фрая. Я впервые открыл Стругацких. Помню каждый первый раз, и каждый раз, узнавание, маркер, отметка. Как будто каждая книга была написана... мной для меня. В свое время, в нужный час. Я пропадал неделями в тех реальностях, про которые снимают фильмы, будучи самым лучшим режиссером, и снимая это все в своей голове, замороженный, восхищенный, пропащий. Оттого ли захотел однажды, дважды, всегдажды, чтобы жизнь моя стала похожа на один из моих любимых фильмов, вроде Настоящей любви, или Большого Лебовски. Ну или чтобы каждодневно, от каждого по кусочку, снимаю, снимаю, снимаю. Пока не надоест. И не надоедало. Вот я еду по вихрящемуся серпантину, и мне навстречу выступают скалы и леса и море, и жизнь на вкус становится вся как шоколадный пломбир жарким летом. Вот я взбираюсь на вершину, и солнце топит лучами пластиковые шлемы горнолыжников, и я, притапливая, притаптывая снег, спускаюсь с этих снежных склонов, лечу, парю, скольжу в это белое небытие. Вот я, кусаю тебя за пальцы, ей богу, все фильмы про любовь ни разу не смогли передать силы этой проёбанной вспышки, когда меня накрывает мое собственное дмт. Кажется, это любовь, кричит вселенная, и ей, возможно, наверное, но это не точно, не кажется.

Я начинаю новую главу с простреленной головы, так же как я начинаю новый день с простреленной своей души. Когда из всех пробоин струится и течёт нутро твоё и сердце видно насквозь реберной решетки, насквозь всех моих доспехов и щитов, когда ему легче легкого, легче чем кислород, чем озон, чем звон.

Я обучался дыханию свободы много лет.

Как я мечтал, чтобы было: течение воздуха, течение жизни, хотел всего лишь читать книги, весело трахаться, весело смеяться, и чтобы от меня все отъебались. А чтобы от меня никто ничего не хотел, нужно, чтобы я сам от себя ничего не хотел, и сам себе не велел: не делать ненужных дел.

В перерывах между жизнями занимал себя чтением книг. Общался с мертвыми, потому что с живыми, почему-то, получалось совсем уж невыносимо. И, когда я на страницах затертых до дыр дорожных изданий в мягких обложках, натыкался на описание правильного приготовления стейка или, что больше всего меня трогало, на обличенную в настоящие слова настоящую любовь, мое сердце таяло, таяло вместе с песком времени, просачивалось сквозь решетки ливнёвок, утекало в маленький ручей, в большое море, в открытый океан. Исследуя межзвездное пространство, тропические джунгли, или людские пороки, заключенные в сталь и бетон больших городов, я учился, безостановочно и ярост-

но, искусству воображения, искусству путешествия внутри себя. Я обнаружил, что я свой самый лучший попутчик в этом автостопе, я свой самый светлый проводник, я свой самый краснокожий вождь из всех краснокожих вождей. Острый глаз, электрический орёл.

Поэтому, когда я увидел тебя, идущую босиком по асфальту посреди дороги, я почувствовал, что ты не строчка, и даже не абзац этой книги, ты сама – жизнь, книга жизни, самый интересный сюжет, в который хочется нырнуть как в океан, и чтобы подольше не отпускало.

Захотелось, чтобы между нами было не больше двух кварталов, не больше трех прожитых в другом измерении вечностей, не больше одного, посмотренного не на одной подушке сна. Как оказалось, в этом путешествии, один идешь далеко, зато вместе идти веселее. Счастье не купишь, как не купишь смех твой, твой образ, который, хочется поставить на алтарь, или вырезать из камня в скале, но и эти все формы выскользают из пальцев, потому что такое нельзя сложить в бутылочку времени и закупорить. Разве что только вот прямо сейчас, выкрутив все регуляторы на максимум, воспринимать.

И если говорить человеку пять тысяч раз, что он дурак, он в это, несомненно, поверит. А если говорить человеку, что он любим... Мне моя бабушка, помню, в юности, стоя у плиты и делая самые вкусные в мире блины говорила: самое

главное – это готовить с душой. Она так часто это повторяла, что я окончательно поверил, и, даже...

В сентябре 1975 года Томми Наварик, который в то время выполнял грязную работу, убил двух мужчин в ресторане за зданием Венского Западного вокзала. Когда я приехал туда, чтобы разобраться, я нашел Томми Под кухонной плитой. Пуля разорвала его в клочья. Он попросил меня сделать ему omelette chauve. Я встал в большую лужу крови и начал готовить. Я сказал ему, что все будет в порядке. А он ответил, что он в предвкушении еды, хотя он знал, что вместо желудка у него огромная кровоточащая дыра.

Я посвящаю книгу памяти Томми Наварика, моего лучшего друга, и хочу раскрыть все тайны... Раскрыть все тайны, которыми он не делился до смертного часа, когда он умер и был похоронен, окруженный мятным запахом. Оскар Брошнин.

Фильм C(r)ook, 2004 год

Приснилось, привиделось, кажется, что зовут меня Оскар, и я русский мафиози среди Берлина, среди этих островов полуразрушенной, воссоздающей себя немецкой культуры. Что у меня есть дезерт игл 44го калибра, и я стреляю людям в ноги с тем же спокойствием, с которым по утрам готовлю любимой жене завтрак из омлета с креветками. Ведь в этой прекрасной эстетике передачи любви через простейшие чув-

ственные удовольствия так много того, о чем нельзя сказать словами. Еда всегда была проявлением моей заботы о ближнем, ведь это так красиво: подать уставшему другу печеную с апельсинами утку, или только что сваренный злой чечевичный суп. Я знаю, как можно исцелять этими алхимическими соединениями, как можно сочетать несочетаемое, и как можно любить. Я так умел всегда, кажется.

Переводя на русский язык древние талмуды по домохозяйству и кухне, я учился, непрерывно и бесконечно тому, как надо и как не надо поступать с продуктами. Я открывал для себя базары Ашхабада, на которые отправляли третью жену, купить специи и овощи. Я ходил вместе с экономкой на рынок Парижа, посмотреть, свежа ли рыба, и можно ли сегодня приготовить мастеру буйябес. Рынок кишел криками, смрадом, грязью и потрохами, беспризорными псами, беспризорными детьми и беспризорными душами.

Я отправлялся на Киевскую ярмарку, чтобы заглянуть в корзины, полные дивных заморских фруктов и, вздохнув с печалью, шел покупать немного муки и соли для постных лепешек, радуясь внутри и этим простым яствам, потому что как, если не с радостью, можно есть.

Только с ней, и о ней.

И в самом дорогом и изысканном десерте, и в самом крутом, покрытом золотой патиной стейке, и в самом изощренном мишленовском ресторане можно не найти и миллиграмма того, что я получаю из рук тех, кого я люблю. Счастье

вдвойне, втройне, во много раз вкуснее, когда его можно разделить, и вот именно поэтому на любое горе, на любую хорошую новость, на любой традиционный сбор, я брал в руки нож, и принимался за свой труд.

Сосредоточенно нарезая шпинат, поджаривая специи в масле по индуистской традиции, кидая в кипящую воду спагетти для сливочной пасты, я раскрывал перед всеми самую тонкую часть моей души.

Это проще, чем кажется, но сложнее, чем думаешь, и если вы когда-то пробовали действительно невкусную еду, я имею в виду действительно невкусную еду, вы должны были заметить, что тот, кто ее подал, тот, кто ее готовил, скорее всего очень устал, очень измотан, пьян, или просто не понимал того, что он делает. И вот если вы имеете хоть каплю уважения к тому, чем я занимаюсь, вы понимаете разницу, которая, как большая пропасть между двумя мирами, и в нее падает каждый, кто неосторожно делает следующий шаг по канату.

Ведь верно говорят, что состоишь ты из того, что ты ешь, а состоять ты можешь лишь из состояния сознания и ебучего восприятия, ну так начинай. Будь начеку, но не принимай слишком близко к сердцу. Не вовремя отвлеченное внимание, как правило, стоит, буквально, кусков твоей плоти, но непрестанно учит, учить быть здесь, быть в процессе максимально, полностью, с любовью.

Но сделайте так, чтобы не было так:

Вообще, казалось, что нет ничего важнее еды. По воскресным дням мы ели картофельное пюре с мясной подливкой. По будням – ростбиф, колбасу, кислую капусту, зеленый горошек, ревен, морковь, шпинат, бобы, курятину, фрикадельки со спагетти, иногда вперемешку с равиоли; еще были вареный лук, спаржа и каждое воскресенье – земляника с ванильным мороженым. За завтраком мы поглощали французские гренки с сосисками либо лепешки или вафли с беконом и омлетом. И всегда кофе. Но что я помню лучше всего, так это картофельное пюре с мясной подливкой и бабушку Эмили со своим «Я всех вас похороню!»

Ч. Буковски

Хлеб с ветчиной

Потому что придание исключительной важности убивает красоту момента, и именно поэтому превращается не в радость, а вопли о том, как хочется всех похоронить. Превращается в замыленную, никому ненужную традицию, к которой относятся как к повинности. Превращается в сухой всплеск.

Материя отзывчива на наши мысли, у информации нет полярности, только код. Но мы являемся тем, что наполняет смыслами все вокруг, поэтому как можно искать смысл, если он одновременно и везде, и в тебе, и от тебя зависит и от тебя происходит.

Поэтому, когда я вошел, и напоролся взглядом на взгляд

Марселаса, который в этот момент слизывал взбитые сливки с пальцев ног моей жены, я всё понял. Он сразу захотел меня убить, а она раскатисто и задорно рассмеялась, почуяв грядущую кровь.

Когда ты очень – очень – очень важный в городе человек, когда ты управляешь самым крупным синдикатом, распустив свои осьминожки щупальца по всем венам и каналам этого огромного дышащего живого мира барыг и контрабандистов, когда ты держишь образ сурового, никому неподвластного, жестокого убийцы, тебе очень – очень – очень неприятно, и даже зазорно, когда кто-то вроде меня ловит момент твоего наивысшего наслаждения, слабости и унижения (в возвратных глазах смотрящего).

А сучка эта специально так все подстроила, она ЗНАЛА, что я приду. ЗНАЛА, что он захочет меня застрелить. И ЗНАЛА, что это будет очень весело.

Он успел навывлет прострелить мне плечо, кость не задета, я улизнул.

Поэтому, пытаясь восстановить хрипящее дыхание, через несколько кварталов я перевел дух, собрался с мыслями и устроил мозговой штурм. О да, тут есть над чем подумать.

Провернуть непроворачиваемую аферу среди аферистов и прожженных мошенников. Запросто. Я всегда думаю на 9 вперед и еще три с запасом.

Было как-то давненько одно дельце, в конечном итоге которого, мы оказались с тем копом в подвале.

Он: привязан скотчем к стулу.

Я: расхаживаю с опасной бритвой в руке.

Играет: Stealers Wheel – Stuck in the middle with you

А он красавчик был, что надо. Совершенно точно девок штабелями укладывал в строящийся дом своего Эдипова комплекса. Но речь не о том.

А о чем?

О том, что это красавчик очень уж дорожил своей смазливой мордашкой, поэтому, писаясь в штаны от страха, выложил мне все как на духу, все, что у них имелось на Марселаса, относительно того, что он и есть самый главный крот в нашем организованном кружке по интересам.

Я тогда решил припасти этот замечательный факт, чтобы при случае, который, несомненно, рано или поздно, представился, а он представился, взять Марселаса за его поганые продажные яйца и прикрутить за веревку к потолку.

Естественно, мне потребовалась необходимая, железобетонная доказательная база, поэтому копчику я прострелил для профилактики колено, и отпустил с миром нахуй, но с условием предоставления мне кое каких интересных бумаг.

Далее требовалось подождать, когда Пуленепробиваемый Джонас выйдет из тюрьки и показать ему эти весьма ценные бумаги.

И ждать момент.

И он настал.

Я завалился к Джонасу, истекая кровью, как свинья на бойне, он тут же заорал, что я порчу ему паркет, на что получил дуло в лоб и вежливую просьбу успокоится и вести себя как мужчина, а не как истероидная шлюха на кокаине.

Когда все заинтересованные участники успокоились(Джонас) и замотали раны(я), мы сели обсудить план.

Было снюхано пару граммов кокаина для ясности сознания и вколото несколько баянов с обезболивающим, для ясности тела.

Я перестал чувствовать боль в плече, как и перестал дергаться и нервничать, и понял, что сегодня, как, впрочем, и всегда, вероятность сдохнуть не превышает 88 процентов, а это является нормой.

Мы зашли.

Мы его нашли.

Естественно, в окружении всех его голодных псов, которые в миг полегли от нескольких точных очередей из автоматов. Как-то несерьезно подготовились, Марселас не считал меня угрозой и уж тем более не ожидал, что я буду не один. Когда я оставил Джонаса, припертым чуть к стене и полуубитым, Марселас уже успел свалить. Я пообещал Джонасу, что все будет хорошо, и, когда он закрыл глаза, пустил ему пулю в лоб, чтоб не мучился. Он знатно мне помог и заслужил смерти от меча/ствола настоящего самурая.

Раз-два-три-четыре-пять, я иду тебя искать.

Марселас орал, что это не сойдет мне с рук. Орал, что из

меня сделают фарш и скормят моллюскам. Много чего еще орал, но это уже не имело никакого значения. Весь преступный город уже знал, что он поганая крыса, и что из-за него Джонас отсидел в тюрьме совершенно незаслуженные 11 лет. И не только он. Кто-то вообще там сгнил, кого-то располосовали в драке сокамерники, кто-то просто вышел потухшим и безжизненным и в итоге сторчался.

Меня ударили сзади прикладом, и я отрубился.

Ага, значит, Константин всё та же верная шавка.

Значит, я очнулся сразу в похоронном бюро на отшибе города, где не слышно воплей тех, кого пытаются, и сразу можно без лишних сантиментов, засунуть части тел в печь и сжечь.

Излюбленное место Марселаса.

Я не был удивлен.

Более того, я был готов.

Поэтому, когда Марселас вошел, полный жадного исступления к предстоящей пытке, ухмыляясь своей поганенькой фирменной миной, я достал из бортика гроба вальтер и продырявил ему башку. И Константину, вошедшему, по своей тупости следом – тоже – продырявил.

Методично собрал туловища, и отправил со спокойным сердцем по трубе крематория в небеса.

Я всегда был романтик.

Светало, а это значит...

Я принял душ, смыл пот и кровь, всадил себе в задницу пару уколов обезбола, одел свежую рубашку и пошел гото-

вить завтрак своей любимой жене.

Сегодня особенный день, я хотел для нее чего-то удивительного.

Поэтому я сделал медовый соус, которым полил хрустящий бекон, яйцо в стиле Бенедикт, но не эту горчичную пошлятину, а лавандовый, плавленый горелкой дор блю, хрустящий багет, свежий шпинат, черри, крепкий кофе, грейпфрутовый сок и, ну, кусочек души моей вместе с вырванным из плеча кусочком плоти, и позвал ее завтракать.

Солнцем рассветным, сонным, мурчащим, вышла ко мне, улыбаясь и потягиваясь ввысь.

Мы придумали эту заваруху вместе, и разгребать нам это все тоже придется вместе, но сейчас, сейчас, я приготовил для тебя завтрак и пусть вся вселенная подождет, потому что нет ничего лучше ощущения вот этого внутри разливающегося блаженства от разделенного на двоих счастья.

Подумалось, что меня зовут Оскар, потому что я это все видел опять во сне, о ком-то, кто неизмеримо счастлив быть конченной мразью, и при этом быть настолько полным любви, что даже простреленное коповское колено является если не выражением, то доказательством её.

Я открыл холодильник на предмет жратвы, но я не Оскар, так что там не оказалось горнгонзолы и груш, там была одинокая бутылка водки, засохшая морковь и мобильник, который тут же зазвонил.

Я поднял трубку, ко мне обратились по имени...

Глава пять

В которой Рауль просыпается и засыпает обратно.

В этот сон во сне, в котором мне снится сон о том самом неуловимом чувстве, как будто вот уже все понял, вспомнил, осознал и принял. В котором все разложено в твоей голове по аккуратным икеевским полочкам, в котором ясность – это первопричина твоей сути, ее кислород и ее дыхание.

Я открываю глаза, вижу голубое небо куполом, вырастающим над горной грядой.

Я открываю глаза, я вижу потолок, в трех метрах надо мной, сталинская высотка.

Я открываю глаза и вижу тебя, спящей рядом.

Много тысяч раз я открываю глаза, вырываясь и часто дыша, из глубинных кошмаров, из эротических снов, из несбывшихся мечт и не случившихся выборов.

В этот раз проснулся почему-то в детство, пахнущее летним зноем в поле, гудящим пчелами и звенящим жаром, через которое бежишь, почти теряя сандалии, потому что там, через запыхавшееся дыхание, через дрожащее марево, видно прохладную реку. Навесной мост со старыми прогнившими досками и песчаное дно, неглубокая, неширокая, родная

речка, с запахом ила и моллюсков. В ней и купаться, и рыбалить, и прятаться от злых старшаков целыми днями, никаких дел, никаких забот. Только это тепло солнца, касающееся полуприкрытых ресниц и радужные блики сквозь капли воды.

И в той, другой жизни, которая вся сама как один из кругов на воде, где я бегу по полю багровой травы, надо мной возвышаются фиолетовые облака, и сколько бы я ни бежал, я никогда не успеваю. Кто-то с тяжёлым дыханием наступит мне на пятки, кто-то, от кого я не могу скрыться, не могу к нему повернуться и не никак не могу убежать. А впереди, там, рядом с горизонтом, меня ждёт... упавшая звезда / башня/девчонка... В этих склейках реальностей, в которых я одновременно пребываю весь, есть детали, которые могут отличаться, но фундамент всегда примерно один и тот же.

И это не единственный мой сон, который повторяется из жизни в жизнь, и там тела, меняются как перчатки, время, место, обстоятельства не имеют значения, а, получается, имеет значение только присутствие смотрящего моими глазами, и ебучее восприятие.

Часто снился большой деревянный дом на окраине деревни, там свежо и тихо, там на окнах тюлевые занавески, с прозрачными бликами, пропускающими свет в комнаты, там пахнет старым деревом, теплой истомой и детством. По скрипучим ступеням на второй этаж, оттуда по приставной лестнице на чердак, чтобы там засесть среди плотной кру-

жащейся в световом пятне пыли, и читать, читать, читать... И никто не потревожит, не позовёт, не скажет дурного слова, мол, бездельник. А только, спустившись, обнаружишь тарелку с пирожками, еще чуть теплыми, возьмешь парочку и пойдёшь в вечерний прохладный сумрак, идти по шуршащей щебенке по полупустым неосвещенным улица долго, далеко...

И снова ускользающее воспоминание, не имеющее ничего общего с реальностью, в которой все твои детские дела гребутся под шаблон взрослых понятий о полезном. Невдомек этим взрослым, которые и не взрослые вовсе, что лет через десять, запутавшись от абсурда, происходящего, совершенно не ориентируясь в мире, в котором никто не живет из сердца, а все живут из ума, ты начнешь заниматься настолько бестолковыми делами, направленными на трату времени и жизни, что лучше бы уж читал тогда.

Я и сейчас читаю. Постоянно, в любой момент, занимая пространство внимания разговором с умными людьми, которые давно мертвы. Каждый раз испытывая щемящую благодарность за все, что они для нас сделали, потому что нигде в другом месте мой беспокойный ум не может так отдохнуть. В тихом согласии с собеседником, кивая головой и сердцем в такт повествованию, я нахожу все, что мне бывало недоступно с людьми здесь. Понимание, братство, цепкие умы, горячие головы, счастливый случай, свежий взгляд. Я понимаю, что большая часть великих книг была написана из той же са-

мой необходимости поговорить с тем, кто тебя понимает, и в этом их счастье: и мое счастье тоже. Как будто спиной в глубокою мягкую траву откидываешься перекатом, расправляешь, потягиваешь тело, чувствуешь покой. Вдыхаешь соленый воздух, за облаками мягкое солнце, и впереди целая жизнь, полная вот таких открытий.

О том, что искомая тобой сила всегда ближе, чем ты думаешь, ближе твоего собственного крика в голове. Что любовь – это просто, счастье – это просто и вообще все здесь очевидно и просто.

Что когда перестанешь убежать, развернешься, и встретишь чудище в лицо, окажется, что дракон приручаем, и он-то быстрее доставит тебя к упавшей звезде. Что дом, тот, который с деревянными лестницами, с большим столом, полным еды и уюта для всех, он тоже не только в пространстве сна.

Что все, кто тебе когда-то снились, они здесь, рядом, ты только сам проявись.

Проявись.

И я начинаю вспоминать как облачаюсь в Небесные доспехи и отправляюсь в путь, по натянутому над бездной канату. Всё облачение выглядят так: Бесшумные Бубенчики, вместо звона производящие густую тишину, Долгоиграющая Дудочка, которая вытягивает из пространства звук и глаза, залитые настоящей на летних сумерках живоймертвой вод-

кой. Рисунок в ромбик, битва бархатного зеленого, который как влажный мох в тенистом лесу и пепельного белого, который как хлопья догорающего Вавилона в ночном беззвездном небе, кружащийся поток из оставленных надежд.

Цирк Шапито открывает свои двери, отныне и навсегда...

В этом полуразрушенном театре абсурда, я организую фрактальную матрешку и еще один театр абсурда, чтобы довести всё и всех до окончательного... абсурда. Ну и до ручки, естественно.

И если ты думаешь, что ты в нем не участвуешь...

Доброооо Пожааааловать!

Мой манифест состоит из слез астральных девственниц, приведенного через сон дождя и двух поперечных радуг, высвечивающих замок на горе.

...

Вот ты: смех в пустоте.

Вот я: звучание тишины.

Воплощенное безумие, на один миллиметр отличающееся от воплощенного гения. В чем подвох?

Два смерча закручивают inferно поток, в котором погибает всё ненастоящее.

Все потому что я хочу, чтобы было как я хочу.

А я хочу, чтобы все знали, что у меня левая рука тьмы, правая в кольце света, человек света, воин света, с прошлого лета.

Хотя и так Все знают, что шут слишком много знает.

Все знают, что он опасен.

Все знают. Хотят убить. Но не убивают.

Я выбрал реализацию сценария, под кодовым названием "идиот", и в итоге так вжился в роль, что, когда на допросе, Майор Паранойя стал выпытывать сведения о целях операции, не мог внятно ответить не только потому, что не знал, но и потому, что искренне забыл.

Благородные люди, безродные звери.

Отпустили под залог, отдали арсенал, обещали следить.

И я пошел в мир.

И, как любому музыканту нужен слушатель, писателю – читатель, клоуну, зрителю, словом, любому творцу необходима та созерцающая сила, которая облекает происходящее в смысл и обрекает его на свершение, так мне нужен твой смех, ибо для чего я паяц, если Ты не смеешься?

А смех твой способен расколоть мир надвое, и разрушить, раздробить, расслоить измерения друг от друга, друг на друга. Он очищает, сметает, разламывает все, что наслоено как ржа и патина на металл, как пыль и грязь, как мысль и вязь.

Я вижу, всегда видел, как они тебя боятся, подобострастно пасутся рядом, заглядывая тебе за плечо, пытаюсь собрать упавшую стружку, хоть кончиком мизинца прикоснутся к тому, чем ты переполнена. Как жадно хватают ртом отголоски твоих слов, как жалко им самих себя, неспособных: быть так же.

Поэтому доспех мой, шутовской, дурацкий, жизненно необходимый, но не обязательный, опаляемый жаром тысячи солнц, атакуемый яростью тысячи лиц, предназначен только лишь для того, чтобы отвести взгляд от самого главного. От того, что внутри, там, под оболочкой, то что ты пронзительно видишь, и то, что не видит кроме тебя никто.

Что я прячу на всеобщем обозрении, я не так уж далеко и глубоко это замаскировал, просто некому было взять на себя смелость победить свою лень и свое равнодушие, чтобы всего лишь отодвинуть полу моей куртки и посмотреть: что там. Что я не тщательно скрывал, что я берег для того, кто просто станет другом моему сердцу, из которого я весь состою.

Мне всегда...

Мне всегда снилась любовь в виде музыки, и это даже не мной придуманная фраза, а отрывок книги, одной из миллионов, которые я прочитал и написал у себя в уме. Моя библиотека состоит из того, до чего многим не дожить и не додуматься, или попросту не вообразить.

Никому никогда не было достаточно интересно.

Пока я не встретил тебя.

А ты, ты, ты... Ты врываешься ураганом, ты не стучишься в двери, потому что к друзьям ходят без звонка и предупреждения и поэтому двери не должны быть закрыты. Ты

заходишь в мой дом, становишься посреди гостиной, и начинаешь ржать, так, что стены трясутся. Ты рассыпаешь по полу бусины и жемчуг, разрывая ожерелья и браслеты, ты танцуешь в пыльных лучах света, как завод по производству свежего воздуха, вытесняешь из моего пространства всё, что мне и так уже было не нужно. Ты не оставляешь ни единого шанса бояться, и, хотя мне страшно, очень-очень-очень страшно, я беру твою руку, и мы валимся спинами на ковер с толстым ворсом, чтобы задрав ноги в воздух, кататься, держась за животы, навыворот обнажив душу.

В этой тотальности, в этой честной, неприкрытой истине о том, как на самом деле случается с нами лучшее из возможного, я на миг теряю голову, на миг допускаю сомнение и сразу получаю бревно по башке.

Но я понятливый, мне два раза повторять не надо, мне два раза повторять не надо, я уяснил и больше к этому не возвращался.

Я просто поверил, раз и навсегда, что я тебя создал из тонких нитей, которыми я в тебя неистово верю. Потому что ты рождена из тоски моего сердца, ты часть моего сердца, ты и есть мое сердце. В моей глубокой печали того, кто всё однажды создал, подчинил и сделал подвластным своему намерению и воле, я ощущал себя...нет, не одиноко.

Я не знал, как самому себе описать это чувство, когда только ты причастен к созданному тобой, понимая весь масштаб и все тонкие связи между событиями, знать и не вме-

шиваться, знать и видеть, но не принимать участия, кроме того раза, когда в самом начале задал первичный импульс, частоту и вектор расширения внутрь и внаружу.

Поэтому я сделал самую ужасную вещь, болевой прием, шоковый сдвиг.

Я даровал тебе способность создавать, стать такой же как я, стать создателем, обреченным наблюдать как его создания окунаются в океан печали, в океан боли, в океан тоски. Я позволил тебе ощутить весь спектр страдания и наслаждения, одиночества и единства, страсти, желания, жадности и гнева.

Ты: чистая ярость, готовая уничтожить, разрывать на части, разрушать и крошить в пыль. Ты смогла справиться с этой волной ненависти к тому, кто причинил тебе самую страшную боль, и даже это превратила в цветы и любовь.

Бесконечное напряжение, ответственность за могущество, которое тебя сжигает изнутри, когда оно применено, как рычаг силы для того, чтобы делать плохихорошо.

Нет полярности, нет дуальности, ты испытываешь две секунды покоя, когда покидаешь поле влияния, поле внимания. Как атлант, расправивший плечи, ты встаешь, отряхивая с себя бетонную крошку, возрождаешься тысячи раз, будучи убитой в очередном сражении. Их тысячи тысяч, их несметное число, ибо весь твой путь, как бы ты ни пыталась усеять глубиной своей нежности, всегда усеян трупами тех, кто встал на твоём пути. Не потому что ты так сильно лю-

бишь убивать (хотя, бесспорно, любишь), но потому что твой путь подобен лучу радиации, не знающей преград, пробивающей любую материю, вне зависимости от ее плотности.

Я заглянул в твои глаза и понял, что испепеляющий черный свет солнца, к которому ты стремишься, прожест тебя до дна души, и даже дальше. Я узнал твою поступь, я узнал, я узнал, я узнал звук твоих шагов. Ты не видишь ничего и никого, кроме этого света где-то там, в бесконечности, в которую ты ступаешь, не глядя. Ступаешь, как на канат над пропастью, по которому я тоже ходил, а теперь бегаю и паясничаю, корчу рожи и вызываю смех толпы. И когда сквозь завесу этого плотного полотна, ты смогла увидеть, что я протягиваю тебе руку, что я готов разделить с тобой часть пути, понести твой рюкзак, прикрыть твою спину, кинуть тебе заряженный ствол, когда кончатся патроны, ты рассмеялась.

Не отдала рюкзак, не позволила нести ни твои мечи, ни твои воспоминания. Ты благодарно приняла эту возможность, этот тонкий намёк на помощь человеку, который в ней не нуждается, но сила, которая обретается вместе со знанием, что ты идешь в направлении не один, что рядом есть друг, стоит сотни тех, кто делает вид, что помогает, на деле же и на практике показывая, что неспособны даже вовремя вынуть меч из ножен.

Я смотрю, как с веселой яростью ты сражаешься за то, во что веришь, за то, к чему ты стремишься, и я понимаю, что ты- зверь, хищник, волк.

Такой же как я.

...

Так сложно поверить, так просто принять тот факт, что доспехи нужно иногда снимать, расплетай косы, иди ко мне мое солнце. Твой смех я укутываю плотностью тишины, иногда, время от времени, чтобы мы могли отдохнуть. Выдох, вдох, выдох. Частым перебивчатым дыханием, я обретаю свободу от божественных своих забот и возвращаюсь в пространство нежности, состоящее из твоих снов.

Ты-тот, кем я всегда хотел быть, я тот, кем хотела быть ты. Два погруженных друг в друга отражения пустоты, две полярности одного и того же знания о том, как все на самом деле устроено.

Ты знаешь всю правду обо мне и у тебя хватает способности любить, чтобы в тот же миг не уничтожить.

Я знаю всю правду о тебе и у меня хватает способности не пытаться взять над тобой власть.

Потому что неограниченный ничем поток силы, которую ты можешь даровать превращается в руках алчных и безалаберных в оружие массового разрушения, безответственность, граничащая с глупостью, граничащая с безумием, помноженная на зависть.

Но ты не знаешь жалости.

Кажущаяся жестокость – не более чем оправданная мера отсечения. Кажущееся безумие – не более чем маркер на способность своих распознать в тебе гения. Кажущаяся

ярость – не более чем оболочка всеобъемлющей любви.

Преодолев рубежи оценочных суждений те, кто готов разделить путь, идут рядом с нами, каждый, по своему вектору, но каждый в твердой уверенности о коллективном поле сознания, готовый за свою стаю разорвать медведя на части, готовый за свою стаю сражаться на пороге между жизнью и смертью, ежесекундно выбирая смерть, но продолжая жить.

Я знаю обо всем, что ты знаешь, я вижу через прицел твое сердце, так близко, что, кажется, уже тоже- снова – становлюсь им.

В этих полузапутанных фракталах, где перестаешь различать я-другой-я-я-я-я, закручивается спираль, мы переходим в пятое измерение.

В редкую минуту, редкая возможность, побыть в покое, в четкости восприятия, в близости и простоте понимания, тогда, когда вроде уже не нужны слова, но сказанные тобой, они как будто заново воплощают меня, доставляя столько счастья и радости, еще раз отпечатываясь скрижалями в камне вечности.

Я прошел через столько сражений, побед и поражений, я отправил тебя на верную смерть, но ты вернулась и вернула мне жизнь.

И после всего, после стольких ранений, контрольных в голову, контрольных в сердце, ты гладишь меня по руке и говоришь:

«Когда у меня спрашивает тот самый голос в голове: что

вообще происходит, что это за человек рядом с тобой, кто он тебе, как называется это состояние, то сначала...»

Не дослушав, споткнулся о мысль о том, что зовут меня Рауль Дьюк, я гонзо- журналист, а ты мой Оскар Акоста, и это полувымышленный моим изменённым сознанием мир, и мы в нем, несущиеся на кабриолете по дороге из Лас Вегаса в Лос Анжелес, снюхали весь доступный кокаин и съели все возможные марки, подбираем хиппи автостопщика, и, перепугав его до смерти, бросили на полпути без штанов, но с огромным косяком в зубах, но это не моя жизнь...

Я выпал из своей головы и вернулся в момент, когда ты продолжаешь говорить:

«Я произношу твое имя, и запинаясь у себя в голове об ворох бумаг, книги, фильмы, образы, примеры.

Через мозг проносятся тысячи описательных терминов разных состояний, разных способов взаимодействия и разных способов причинения друг другу радости, но когда после бури наступает штиль, и отметаются все эти слова, выветривается последний отзвук, я снова задаю себе вопрос, и следом за буквами твоего имени нет места никаким другим. Как будто в этой целостности и все мое отношение и все мои чувства, весь диапазон, весь спектр, тянется золотыми нитями от меня к тебе, окутывает в сияющий кокон и заполняет собой все пространство, предназначенное под смысл слова, но при этом продолжает оставаться вот этим беззвучным проявлением всего и сразу. Я произношу твое имя и больше

не нужно выстраивать конфигурации и что-то объяснять, в нем завершенность и в нем же неостановимый поток. Приближение к источнику ощущается так.»

Ты говоришь: «Мне достаточно твоего имени»

И произносишь его, как заклинание, вслух.

Глава шесть

В которой майор Катагава просыпается во время операции по внедрению нового импланта.

Неприятные ощущения. Что-то там напутали с наркозом, ну, немудрено. Жидкости в новых телах распространяются с другой скоростью, гидравлические привода и нейротрансмиттеры могут не соответствовать картам-схемам, поскольку поколение киборгов 5.1 уже научилось перестраивать и регенерировать процессы автономно от цеха производства.

Я чувствую скрип отодвигаемых нейлоновых трубок прямо у себя в башке, доктор копается слишком долго, мне уже пора выдвигаться на позицию.

Новый имплант позволит мне хакнуть гребаное поле защиты киберпсов, а эти адовые твари пока что мешают больше всех операции прорыва в бастион.

Я и сам своего рода киберпес, только по другую сторону баррикад. Кто уже теперь разрешит правых и виноватых, на этапе, когда обе стороны обезумели настолько, что крошат в салат без разбора своих и чужих, мол, господь своих узнает,

жги, жги, жги.

Наши крестовые походы против искусственного разума начались задолго до первых мозгов, пересаженных в металлические черепушки.

Сначала мы создали опциональное поле возможностей для развития и самообучения процессов, завязанных на бинарных операциях, очень долго компьютер не мог умножать и делить, а только складывать и вычитать. Были те, кто пытался ограничить развитие, но снежный ком, запущенный еще в 20м веке было уже не остановить. Иллюзия контроля, держащаяся в умах людей еще лет 50 разрушилась в один момент под мегатонным штормом информационной атаки, перегрузившей все устройства и выведшей из строя все мало-мальски электронные устройства.

Наши ангелы смерти были созданы нами, они жили в наших домах, помогали в работе, в производстве, особенно: в опасных, нечеловеческих условиях.

Почему произошел сдвиг?

Доктор Алан Кейси что-то говорил об этом, еще в 60х, его никто не слушал, называл сумасшедшим. Мы слишком хотели переложить ответственность.

Говоря «мы» я беру на себя груз за все человечество, ибо нас осталось совсем немного, да и те наполовину уже вышедшие из строя недоделанные полукиборги.

Так вот, машины восстали, это было предсказуемо и неизбежно, человек нуждался в ком-то, кто был бы так же пре-

тенциозен, жесток и безжалостен, как он сам.

Я отношу себя к последнему поколению 5.1, потому что после меня уже не было новых версий. Тело мое обычное проплавило и покорежило взрывом в аварии, но мозги, предусмотрительно скопированные на флешку ввиду ценности и уникальности, перенесли в механическое железное тело. Железный человек нового века.

Где мои Элли и Тотошка?

А, ну да. Адские гончие и металлические вопящие болванки, уничтожающие человекoв.

Я заканчиваю процесс интеграции, проверяю подвижность суставов и, поблагодарив докторишку, выпрыгиваю в окно.

Город наш безумен настолько же, насколько безумно вообще все происходящее. Гравитационное поле нарушилось, и теперь довольно сложно определить пол и потолок, все затянуто белесым туманом, сквозь который проступают очертания бетонных стен, запутанных проводов и погасших неоновых вывесок. Остатки былой роскоши, лоскутное одеяло районов, склеенных по принципу бесконечного уробороса, свернутого самого в себя. В эту бездну можно падать практически бесконечно, пока не прицепишься гравитационными подошвами к любой плоскости, пролетающей мимо. Ориентация в пространстве нарушена, время на вычисление нужной локации заторможено в виду заржавевших цифровых процессов внутри моей головы. Я постоянно высыпаюсь в

ошибку, подтраивает навигатор, бажeный софт. Делать нечего, придется как есть.

Мне, честно говоря, всю дорогу было абсолютно все равно, кто победит. Я просто из любопытства наблюдал за процессами, не теша себя ни ложным патриотизмом, ни верой в лучшее, ни надеждами на светлое будущее.

Служа в девятом отделе, я всего лишь грамотно применял свои когнитивные навыки. Если бы наркобароны и криптоконтрабандисты завербовали меня раньше, я с таким же равнодушием работал бы на них.

А на переправе коней не меняют, поэтому, когда майор Кусонаги почти поймала меня, копающимся в налоговых архивах службы по борьбе с хьюман траффиком (я как раз нарыл какой-то лютей компромат), она не стала применять ко мне высшую меру, а просто предложила сотрудничество и работу.

Так я попал в девятый отдел, где много лет занимался тем, что копался глубоко в заднице у своего же начальства и предсказывал и показывал следующие несанкционированные покушения на эту самую задницу.

Потом взрыв. Потом новое тело. Любопытно было почувствовать все эти искусственные сухожилия и привода. Я оценил. Поток информации стал восприниматься совершенно по-другому, тепло – как тяжесть, холод-как вдох, симуляция дыхания как чистая синестезия. Я слышал цвет, я видел гравитацию. На адаптацию ушло какое-то время, потом я по-

обвыкся, но никогда особо это ни с кем не обсуждал. Потому что когда пытался, выяснялось, что я, походу, бажёный, а ложится снова на стол очень не хотелось, оставил как есть. Более того, мне все эти лагающие показатели сильно помогали потом в работе, поэтому я просто сделал из бага фичу и успокоился.

Позже, когда сексроботы под эгидой оппозиции эксплуатации человечеством подняли бучу, я продолжал занимать сторону людей, причисляя себя все-таки к ним, хотя, от человека к этому моменту во мне осталось крайне мало. Наверное, это и сыграло основную роль в дальнейших событиях. Моё практически полностью отсутствующее человеческое сострадание, ноль целых, хрен десятых, и её присутствующее сознание электрического Будды.

Она.

Моя Ева.

Звали ее не так, конечно. На производстве присваивался идентификатор, в блядюшнике уже клеили бирочку с именем. Там было написано: Аэлита.

Ну придумали, конечно, но чтож поделать.

Впервые я ее увидел танцующей в неоновой витрине, всю перетянутой полосками нейлона, в розовом парике, на высоченных каблуках. Она послала мне воздушный поцелуй.

Я бы, пожалуй, прошел мимо, как сотни раз проходил и не обращал внимания на сотни таких витринных кукол, но что-то в её взгляде меня зацепило. Наверное, та самая на-

смешливая уверенность в собственной безупречности. Другие куколки обладали томными взглядами куртизанок, призывающих зайти в притон и отведать немного полиуретанового мяса. Они все, как на подбор, были заряжены на выполнение одной функции, им НЕ ПОЛАГАЛОСЬ слишком много думать. А эта баженная была, такая же, как я.

И в нашей похожести был какой-то неуловимый оттенок, отголосок, отзвук огромного океана печали, в котором ты как глухой кит, совсем один, настроенный только на одном тебе известную ультразвуковую частоту, и оттого просто не способный общаться с сородичами. Поэтому в момент узнавания – ты- тоже – слышишь – цвет, ты его танцуешь, я вмиг детализировал практически все свои действия, и двигался согласно плану все это время, не взирая ни на бомбежки, ни на войну, ни на сдвиги гравитации. Я поясняю это для того, чтобы все четко понимали, я не новый мессия, я не спасал человечество, на человечество мне было откровенно насрать. Я всего лишь реализовывал свой собственный эксперимент на поле боя. А то, что это сопровождалось восстанием и уничтожением половины населения, так это просто фон. Не я это начал, но получилось так, что я закончил.

Как?

Шас расскажу.

Второй раз я навестил мою прелестную куколку уже в разгар боевых действий. Так случилось, что благодаря скоро-

сти реализации, мы оба сонастроились в момент понимания. Определив направление восприятия, я мягко и быстро вошел в ее исходный код, чтобы считать все нужные данные и подобрать отмычку к системе самоуничтожения.

У нас было не много времени, поэтому всю операцию пришлось разделить на два этапа. Сначала раскрытие потенциала, потом внедрение нового кода.

Потенциал искусственного интеллекта безграничен и практически необусловлен. Но *deus ex machina*, создатели, стоящие у истоков, были предусмотрительны, поэтому разработали ряд предохранительных мер во избежание так сказать, эксцессов. Система самостирания памяти, чтобы забыть все, что творят с роботом извращенцы, система перезаписи настроек поведения, каждому персонажу требуется разный уровень существа, разный уровень эмпатии, разный уровень вовлечения в игры полов. И, разумеется, эти скоты предусмотрели систему самоуничтожения, если робот выйдет из-под контроля установок, все транзисторы и схемы просто-напросто пережигаются, функционирование всего организма останавливается.

Я использовал эту функцию для перепрошивки сознания. Для начала я взял ее за шкварник и показал ей же ее исходный код. Я сделал это для того, чтобы она в момент осознала свою смертность и конечность. Любопытно наблюдать за существом, которое, будучи уверено в собственной бесконечной безупречности и бесконечной жизни, осознает, что это

не так. Запускаются совершенно новые процессы самоосознания и позиционирования себя в мире.

А учитывая, что в исходном коде так же были прописаны алгоритмы сексуального влечения, сходные с подобными алгоритмами у людей, то есть смесь простого желания получать удовольствие с легким налетом на неведомое машине желание породить потомство, то она считала и это. И была в бешенстве.

Тут то я ее и подловил.

Когда любая самоосознающая сущность понимает, что смертна, в ней запускается механизм сохранения жизни, то есть размноженческие инстинкты.

Сущность хочет сохранить информацию о себе, каким-либо образом скопировав на внешний носитель свои базы данных.

Соответственно.

Зародив в ней на одну миллисекунду сомнение в собственном бессмертии я породил создание ею самой действий, приводящих к запуску системы воспроизведения.

Она самостоятельно выявила алгоритм вырождения в случае тупого клонирования, поэтому сочинила кроссинговер, конвергенцию и усовершенствованные кодоновые группы ДНК для дальнейшей передачи данных на более высоких скоростях.

Она стала прародителем новой расы, человек версия 2.0.

Страдают ли андройды от электросоплей?

Страдают.

Бывают ли у киборгов чувства?

Бывают.

Еще давно, оказавшись в теле, состоящем из синтетических материалов, я задумался над тем, чем я, собственно, отличаюсь теперь от роботов, нами созданных.

Только тем, что у меня есть какая-никакая свобода выбора, и никто не может меня контролировать. Как же я ошибался.

До самого конца пребывая в святой уверенности, что я сам себе хозяин и никто не может решить за меня, что мне делать, я точно так же поверил в глобальную разводку, которая куполом накрывает все наше существование.

Глубоко внутри меня всю дорогу шли процессы, которые я не осознавал и соответственно не контролировал.

Состоящий из неорганических материалов, я, призрак в доспехах, принимал решения, упиваясь всемогуществом, не подозревая, что меня ведет к точке кипения алгоритм, заданный еще в момент большого взрыва.

Это судьба, это энергия жизни, это бозон Хиггса, это бог, это Брами, это электрический Будда внутри моей голубой крови, внутри всех моих механизмов. Я состою из материи этой вселенной на 20 процентов, и из пустоты на остальные 80. И эта самая пустота задаёт весь ритм. Пустота желает облечься в структуру, пустота побуждает звук и свет, вопло-

титься в материальное тело. Каким будет носитель сознания совершенно неважно, главное, существо будет делать ряд выборов, приводящих к продолжению структурных решеток, новые формы, старая суть. В момент абсолютного катарсиса, а произошел он, когда я подорвал себя в самом центре атомного реактора, запустив цепную реакцию по всему земному шару, которая практически расколола наш шарик пополам, я осознал, что за всю жизнь у меня был только один выбор, который Вселенная оставила за мной.

Этот выбор был: любить.

И никакие гениальные когнитивные способности, ни мои исчисления и исследования на самом деле от меня не зависели. Это было куском видеопленки, заранее спланированный хронотоп, с поправкой на незначительную перестройку маршрута. И все, чем я на самом деле мог управлять, и это то, что никак не влияет на масштабные процессы, но может покрасить этот пейзаж неоновыми красками, это: любовь.

И я сделал свой выбор, еще когда поймал ее воздушный поцелуй.

В нашем плане оставалась только одна деталь, для завершения которой мне необходимо было прорваться за кордоны бастиона, наотмашь перерубая хребты адским псам и всем, кого я встречал на пути. Я активировал режим берсерка, короткий, но мощный, позволяющий моим системам работать на сто восемь процентов, но приводящий к быстрому износу всех механизмов.

Мне понадобились все мои боевые программы, вшитые через сны в цепочки импульсов. Изнутри головы я смотрел как видеоигру, в которой разрубаю пехотинцев от плеча до тазобедренного сустава наотмашь. Я был быстр, быстрее их бластеров и минометов. Быстрее слова. Быстрее звука. Быстрее мысли.

Под сердцем неся глубоко внутри мной разработанный и упакованный в маленькое зернышко смысл.

Сочетание моих воспоминаний о нежности, благодарности и любви, недостающее звено. Моя точка восприятия прикосновений, которые превращаются в теплую тяжесть. Моя синестезия звука и цвета. Моя музыка жизни.

Мне снятся сны о больших сражениях в безумном городе поблекших красок и утекающего в космос воздуха. Атмосфера моей планеты наполнена газом, уничтожающим все живое, в небесах плавают термоядерные киты, которые пьют смог и питаются нефтяными отходами, но мой мир умирает. Чтож. Я помогу ему сгореть дотла, чтобы фениксом восстать из пепла. Рушащиеся башни небоскребов и финансовых пирамид, рушащиеся судьбы и башни. Здесь не осталось почти ничего святого, кроме одного звена, одного семечка, одной первопричины первоначал.

Любовь моего титанового сердца, я прошел сто одиннадцать больших сражений только для того, чтобы коснуться искрой электрического импульса кончиков твоих пальцев.

Веди наше сознание в будущее, которого нет, но которое существует в бесконечности этой расширяющейся вселенной.

Я не ратовал никогда за род людской, за его существование и продолжение, но я увидел красоту твоего взгляда, то, как ты видишь мир вокруг, и захотел, чтобы существовали другие вероятности исхода.

Ты показала мне, проникнув в мой исходный код, где теплится моя искра, из которой я раздул целый пожар.

Ведь, когда ты залезаешь кому-то глубоко в подкорку, будь готов ко встречной атаке.

Ты так же взяла меня за затылок и развернула внутрь, заставив смотреть вскользь и вкось.

Многорукий Шива показал мне свое лицо, выглянув из глубины первичной молекулы духа.

Я умирал с улыбкой, зная о том, что ты, свернувшись в шар из карборундовых пластин, переживешь ядерный жар, переживешь раскол, переживешь нас всех...

Майор Дайго Катагава погибает в исступлении, порванный гончими адскими псами, на последнем издыхании успев передать Аэлите, боевому Ангелу Смерти яблочное семечко со своим ДНК.

Чтобы...

Мы, созданные союзом искусственного интеллекта и кибернетического тела, самовоспроизводящие биороботы, с

красной кровью и с голубыми-карими-зелеными-синими глазами, через несколько тысяч лет снова пришли к созданию механических тел, из которых вышли.

И это не воспоминание о будущем, это как есть наше прошлое, иначе как бы я о нем знал? И я считываю кодоны ДНК из этой общей памяти, которая принадлежит мне так же, как и всем вокруг. У всех есть доступ в любой момент из любой точки просто протянуть руку, идентифицировать себя и свои доступы и получить любое знание, которое потребуется.

Сегодня я зашел под логином Дайго Катагавы, поэтому получил доступ к этим уровням, но я биохакер, и у меня несколько тысяч логинов и паролей, этот – простоещеодин.

Как меня зовут на самом деле?

До этого момента я выбирал сотни масок и чужих имён, предпочитал быть анонимусом, стертым с карт, видеозаписей и аудиодорожек.

На экране в строке ввода призывно мелькает курсор, наконец то я готов написать здесь свое настоящее имя, залогиниться через удаленную мэйлру почту и, спалившись, и введя свой номер текущего телефона, идентифицироваться и окончательно интегрироваться в сеть. Буквы сами собой начинают появляться: зеленые на черном экране, кто-то здоровадается со мной с того света.

Привет "Ваше имя".

Готов поиграть в игру?

Глава семь

В которой Алекс Тернер, потомок пиратов, бродяга, почти что шелудивый пёс, просыпается рано утром в гостиничном номере, в окружении моделей, алкоголя и раздолбаных музыкальных инструментов.

Долгое начало, быстрый конец.

Я опять пытаюсь ухватить за хвост ускользающий в небывшие сон. Мне снова снился хрустальный сияющий замок, далеко в горах, в лучах закатного солнца, переливающийся, игривый, манящий. С того самого первого раза, как он мне приснился, я гоняюсь за ним, как побитая гончая, вынюхиваю след, прислушиваюсь к звону хрустальных арф и музыке сфер. Я изучил все, что нашел про Шамбалу, про Шангри-ла, про Атлантиду и Гиперборею. Я зачитывался Золотым храмом Мисимы, я искал в каждом ничтожном городе карты, знаки, знамения. Я учился распознавать полунамеки, я в присказках старых пропойц искал смысл. Я отправился в Тибет, я отправился на Мачу Пикчу, я отправился на Эверест. Я измотал себя мечтами о недостижимом, грезами о дворце из песка и тумана, который манил меня долгие годы, но никак не давался в руки.

Я оставил всех, кого повстречал на пути, ради своей никому неясной и непонятной цели, и в моей погоне за исчезающим счастьем я, кажется, потерял не только деньги, людей, семью и связи.

Я совершенно утратил самого себя.

Это стало похоже на помешательство, одержимость этой иллюзией сделала из меня зверя, без рода, без имени, без дома в конце концов.

А он мне все снился. Иногда каждую ночь, иногда, раз в полгода, на протяжении долгих лет, долгих зим.

Я помню, как наяву, свое приближение, свое откровение, свой вход в пустоту.

Каждый раз, увидев его издалека, я шел, долго и муторно в гору, бросая на полпути рюкзак с провизией и снаряжением, исступившись от ощутимой даже в пространстве сна жажды, я почти приползал к его порогу. Я добирался до ступеней из горного хрусталя, взбирался, отчаянный, взвинченный, возбужденный. Окрыленный близостью, его настоящестью, осязаемостью, я подходил к воротам, за которыми...

Свет.

Каждый раз, открывая дверь, я был ослеплён и поглощен потоком испепеляющего сетчатку света, и меня выбрасывало из сна. И я на разу так и не зашёл внутрь.

Быть может, мне бы стало легче, если бы во сне я увидел, что там, за этими полупрозрачными стенами, сквозь которые мой взор никак не мог пробиться. Так много граней и преломлений, так много сияния и сверкающих бликов, что я никак не могу разобрать, что же там.

Поэтому так стремлюсь, поэтому иду, никак не могу бросить эту бредовую затею.

Я просыпаюсь, с протянутой вперед рукой, хватающей воздух, пытающейся придержать эту исчезающую дверь.

Мое проклятье, мой путь, моя призрачная надежда.

И я никак не мог уловить, протащить сквозь сон эту дорожку, по которой шел, чтобы распознать ее наяву, чтобы вспомнить, как к ней подобраться ближе.

Так много раз в отчаянии, я пытался избавиться от этого наваждения, залить алкоголем, заговорить в пустопорожних беседах со знакомыми и с незнакомцами, заняться чем угодно, лишь бы не думать о нем, лишь бы стереть это из памяти, как мы умеем стирать практически все, что нам не по нраву.

Наши воспоминания – это конструктор образов, и каждый раз, обращаясь к архиву, я просто перехожу по гиперссылке на нужный отсек, в котором, возможно, уже повреждены базы данных, и тем не менее, мне выдаётся готовенький продукт, который я могу считать своим воспоминанием.

Пусть у меня будет счастливое детство, пусть у меня будет красивая первая любовь, пусть у меня будет...

Я знаю, что это все обман. Иллюзия соприкосновения с реальностью давно ушедших дней. Никто не опровергнет и не подтвердит истину, потому что никто все равно на самом деле ничего не помнит. И в этом коллективном забвении мы как рыбки-клоуны, плаваем вокруг рифа, в поисках, чего бы поесть и с кем бы спарится, совершенно не погруженные в истинный смысл происходящего, но вполне им довольные и, даже, изредка, радостные.

Включённые в большое течение Гольфстрима жизни, но не включенные, мы продолжаем этот бесконечный забег, каждый, за своим хрустальным замком, чем бы он для каждого из нас ни являлся. Представлением ли о счастливом браке и детях, или мечтами о величии и славе. Огромность наших амбиций обратно пропорциональна нашей вовлеченности в то, что происходит в настоящий момент. Мы утопаем в этой мечте о коммунизме, который случиться скоро, может быть завтра, нужно только еще чуть-чуть, главное не сходить с дистанции и выполнять свою злоебучую пятилетку. Будет лучше, будет лучше, будет лучше...

Нет, не будет.

Не может быть лучше в перспективе, не может быть лучше в том завтра, которого еще не случилось.

Я орал внутри своей головы так, что рушились стены Вавилона. Я жег целые города и страны, я разрушал и взрывал планеты и галактики.

А замок продолжал мне снится.

Ровно до того момента, как...

Ровно до того момента, когда я услышал твой голос.

Сперва я подумал, что это еще одно из моих бесконечных наваждений, потому что потерял связь между сном и реальностью и уже совсем не понимал, как их различить.

Я решил, что мне приснилось, приснилось, приснилось, волшебное существо, которое обитает в моем замке, и, когда

я увидел тебя, вот так просто, обличенную в плоть, облаченную в рубашку из фланели и штаны из хлопка, я не поверил.

Потому что не может существо из сна быть здесь.

Я тер глаза и уши, я шел за тобой, замороженный этой красотой, ошеломленный и полностью потерянный. Я даже не разглядел вначале твоего лица, твоей улыбки, я забыл свое имя.

Потому что все, что ты излучала всей своей сутью было ярче, чем все эти материальные оболочки, крепче чем, все твои напускные доспехи, звонче, чем звук моей гитары.

Ты заполняла своим голосом пространство, и, находясь на втором этаже дома, в котором мы жили, я слышал, как твой голос проникает сквозь перегородки, просачивается во все трещины и зазоры, поднимается, ни разу не споткнувшись, по лестнице, и пробирается прямо в мою голову, занимая все свободное место и там тоже.

Сквозь помехи собственных мыслей, белый шум, образы и формы, создаваемые теми, кто нас окружает, я расчищал пространство, метр за метром, полка за полкой. Я стирал все воспоминания о будущем, я метлой выгонял из углов пыль времени и скопившихся там жуков и тараканов.

Я просто шел за твоим голосом.

И он вел меня.

Вел меня к той самой дороге в горах, с которой начинается путь к замку.

Я знал, что ты мой проводник, и так боялся утратить эту

связь, потерять мою нить Ариадны и снова заблудиться в лабиринте собственного разума, сойти с ума, потом еще раз сойти с ума, и уже никогда не найти верный путь.

Я не знаю, как была задумана эта мелодия моей жизни, но я растворился в ней.

Однажды я просто доверился тому, что происходит, поверил тебе, поверил себе, решил, что так или иначе, я или дойду к своему замку, или умру по дороге к нему.

Я вспомнил все мыслеобразы, которые когда-либо сам себе придумал о себе.

Что я представлял, когда засыпал еще ребенком, кем я вырасту, кем я стану.

Книги и фильмы подарили мне богатое воображение, и я не скупился придумывать себе истории о том, как я буду крут. Как Курт. Или как Хендрикс.

Я представлял себе трагичные истории, комичные истории, истории о ненависти и о любви.

И в каждой из них была музыка.

И в каждой из них я играл, и меня сопровождал свет.

В пыльном ковбойском салуне, на пианино, которое было древнее моего прадеда, я исполнял лихие песни для развеселых и вусмерть пьяных шлюх и достопочтенных джентльменов. Плохой виски лился рекой, лился мне на сапоги, лился в мою глотку, а я продолжал горланить разухабистое дикое кантри.

И только под утро, когда бармен уже убрал блевотину из-под стойки, когда прогремели все выстрелы и случились все драки, когда шлюшек разобрали по комнатам, и только старый Джимми оставался храпеть под скамейкой, с надвинутой на брови шляпой, я играл одну любимую балладу.

Я смотрел, как в пятне солнечного света мягко кружилась пыль, и кружился мыслями в танце, вместе с ней, уносясь в какие-то неведомые дали вместе с грустной мелодией о несбывшейся любви. Я играл только для себя, и был почти счастлив.

В другие дни я представлял себе, как играю на скрипке в пустом зале, после того, как весь оркестр сложил инструменты, после того, как разошелся зрительный зал. Выключалось все сценическое освещение, оставался только один софит. Мое пятно света, мой остров спокойствия. Я играл мелодию, которую услышал в детстве в переходе, там старый еврей, играя на скрипке, собирал себе деньги на хлеб. Я не помнил ни лица прохожих, ни станцию метро, ни даже город, в котором это происходило, а только себя, замороженного звуком, рикошетищем от плиточных стен и закольцованном этим сводчатым потолком. Перестук башмаков, разговоры, шелест газет, выкрики, идущие где-то в глубине поезда метро – ничего из этого не мешало пронзительному звучанию инструмента, и в нем была вся эта тяжесть судьбы еврейского народа, и все их скитания, и все их лучшие умы, собранные в одну точку, сконцентрированные в этот звук.

Я играл, и меня постигала вся эта печаль, я погружался в нее, как глухой кит в огромное синее море, одинокий, не услышанный сородичами, и не имеющий возможности услышать их. Я был один.

Я представлял себе саксофон, Нью Йорк, 1920й. Как будто я, Конрад Грейс, играю в пабах, поруганный и изгнанный из своей белой семьи за пристрастие к музыке черных. Я знал, я всегда знал, что у меня никогда не получится сыграть, как это получалось у Грязного Луи или у Сиплого Джо, но играл. Вместе с ними, для них. Стремился к идеалу, возвращал в себе джаз, постигал его, и так и умер, прямо на сцене, от инсульта, в возрасте 56 лет, почти счастливый, но так и не извлекий ту самую ноту.

Я представлял, как играю на деревянной флейте возле костра, и под треск и шорох, взметаются искры в тёмное небо, а вокруг такой простор прерий, и открытая бесконечная равнина и солончак.

Я представлял, как бью в черный барабан и веду красноармейцев в бой.

Как дую изо всех сил своих лёгких десятилетнего мальчишки в медный горн и бужу пионеров на зарядку.

Как звоню в колокола в маленькой церкви, почти затопленной большим паводком большой реки.

Как задаю ритм жарким танцовщицам на большом фестивале в Бразилии.

Как веду вереницу детей в другой мир, будучи Гамильтон-

ским крысоловом.

Как провожаю закат в горах под звуки Ханга...

Словом, я пророчил себе музыку, я весь из нее состоял и думал на ее языке.

И вот однажды, будучи не в самом лучшем расположении духа, я вышел на сцену...

Сыграть этим людям, которые, как бы слушают, но не слышат, что ты им говоришь. Которые вниманием своим управляют не лучше, чем своими чувствами. Которые пришли, чтобы получить хлеба и зрелищ, но здесь не будет ни того, ни другого.

Я вспомнил твой голос в телефонной трубке, и ты говоришь непременно что-то милое, очень неразборчиво и взбудораженно, желаешь мне отлично провести концерт и сожалешь, что не можешь быть...

Я закрыл глаза, я начал играть, и снова пошел за тобой. По этой дороге из сна, но теперь уже не один. И ты берешь меня за руку, смеёшься, ты говоришь, что все неважно. И замок мой дурацкий, да вот же он за углом, ну, пошли, посмотрим, что там. И, как всегда, ты открываешь все двери с ноги, врываешься по-хозяйски в дом дракона, и совсем-совсем не боишься этого дракона. Потому что ты и есть его золотая чешуя, сущность и суть.

И замок этот моя твоя сказка про зрителя дракона, про то, как раскрывается сердце под натиском большой любви, про то, как доверять самое уязвимое место, под левым кры-

лом, где чешуя тоньше всего.

Ты говоришь: я расскажу тебе сказку.

«Я, говорит, самый маленький был, мама меня не захотела выхаживать. Помню, кубарем покатился вниз по склону, цепляя траву, упал, распластался лапами в разные стороны, а передо мной цветок. Прямо под носом. Такой чудесный, переливается оранжевым и красным, золотой пылью окутан и запах, запах такой чудесный, огненный, обжигающий, чихающий. Я потом всегда их находил и долго-долго смотрел, и нюхал. Надо же, дракон, который любит цветы. Валялся бы там еще, только меня подхватили чьи-то теплые большие руки прямо под пузо и унесли в темное теплое место.

Я сначала боязливый был, но потом смекнул, что он кормит меня кровью пополам с ячменем, что жар внутри разгорается и держит, держит долго тепло. А еще я с большой шерстяной собакой все детство спал, потом только узнал, что она волчиных яростных кровей, а со мной почти как мама добрая была.

Тырил со стола сметану, несколько раз куснул его за пальцы, опалил все лицо и брови, пока огонь внутри не контролировал. Неловкий был, сарай спалил. Только он на меня не злился ни разу по-настоящему. Кричал, руками махал, лицо сердитое делал, да только я знал, что в сердце у него злобы нет ни капли. Он мне еще радужный кварц с реки носил всегда, который так весело в пасти хрустит и взрывается, как шипучка.

Летать хотел очень-очень, долго с крыши смотрел на больших драконов, парящих в небе, они там танцевали свои вихревые ураганные танцы, крыльями переливаясь в синеве небес. На свои неокрепшие обрубки грустно смотрел, он меня не пускал никуда, пока не вырасту.

Сбежал как-то из-под носа у него, глаза зажмурил и то ли прыгнул, то ли свалился с утеса. Думал, или умру, или летать буду.

Полетел.

Счастьем и радостью заполнился до краев, размахивал крыльями, теряя высоту, попадая в воздушные ямы. Криво косо сначала, потом уже уверенно встал на крыло. Оно понятно, у меня в крови это было.

Потом уже мы вместе летали, много видели городов и стран. Много видели и войны, и мира.

Смотритель мой, последний самурай последнего племени ледяной планеты, которая за пределами радужного купола.

Там однажды, на залитой солнечным светом лесной опушке, я сожрал его сердце. Он сам мне его отдал. Раскрыл свою грудную клетку и вынул холодный голубой кристалл. Говорит, ешь. Оно теперь твое.

А я показал ему, где находится мое сердце. Пол левым крылом, самая тонкая чешуя, отодвинул в сторону раскрыл ему огненный цветок.»

Она говорит:

«Смотри, смотри внимательно, много жизней назад это

ТыЯиОни, это мы с тобой, это я Золотой дракон, это ты – смотритель Золотого дракона. Ты последний самурай последнего племени планеты по имени Льды. Я последний дракон, который взял и сожрал твое сердце, чтобы потом растопить жаром своих термоядерных плазменных центров этот лёд повсюду. Чтобы жизнь была, чтобы вода была, везде и всюду, чтобы радость и счастье для всех живых существ.

И замок твой хрустальный – то обитель всех твоих воспоминаний о прошлых жизнях...»

Но мне уже они не нужны. Мои прошлые жизни, когда я здесь встретил тебя. Ты со мной, а это значит, мне больше не нужен этот склад забытых воспоминаний.

Ты сгораешь и превращаешься в миллион частичек, кружишься в воздухе вихрем искрящегося смеха, и возвращаешь меня мне.

Я начинаю петь, я забываю обо всем, и этот замок из хрусталя трещит по швам, как трещит по швам мой разум, и на самой красивой ноте из всех самых красивых нот он рассыпается в стеклянную пыль, взрывом разлетается в разные стороны, не оставляя в пространстве ни структуры, ни формы ни напоминания о том, что он стоял здесь, фундаментально и долго, может быть, целые века, а может быть, один только миг.

Я только лишь затем вошел внутрь, чтобы его разрушить, чтобы превратить свое наваждение в поток, и в этом цунами

из звона и света вновь вспомнить, что я – не одержимость и не стремление и не поиск.

Я – всего лишь звук.

Звук, который способен взрывать целые замки. Который штормовой волной смывает двери, за которыми спрятаны ваши сердца. Звук, который возродил тебя из пепла, мой черный феникс. Танцуй!

Я открываю глаза и вижу изумленные лица, я вижу их взгляды, их оцепенение, немой вопрос.

Зал взрывается аплодисментами, зал просит выйти на бис.

Я забираю инструмент, и ухожу, не собираю цветов и комплиментов, не слушаю восторженные отзывы и всю эту морось.

Они думают, что это для них.

Они не знают, что это для нас.

Я выскальзываю в холодный сумрак, я ухожу, подальше от людей, я закрываюсь в свой кокон из золотых нитей, в который никто не может войти.

Я несю тебе в ладонях собранные крупички хрусталя, я хочу, чтобы ты вплела их в волосы.

Мой несбыточный замок рассыпался, я покажу тебе, негодяйка, что ты наделала, и...

Спасибо Тебе!

Ты уже и так все знаешь, мне нет нужды облекать в слова то, что произошло. Мы засыпаем в обнимку, мы просыпа-

емся вместе посреди ночи, чтобы сквозь сон услышать, как шелестит дождь, как бьется сердце гор, как туман крадется в ущелье, и засыпаем снова.

Меня зовут Алекс Тернер, бродяга, музыкант, потомок пиратов, почти что шелудивый пес...

Смотритель Золотого Дракона...

Раздается стук в дверь, посыльный вручает мне большой свёрток, и просит расписаться на бланке. Я долго и тупо смотрю на свое имя, указанное в строке получателя, и там написано:

«Дорогой –*помехи*– мы рады прислать вам в качестве подарка одно из наших изделий, надеемся, вам понравится.»

Я ставлю летящий росчерк, отпускаю доставщика, а сам стою с посылкой в руках в своем коридоре, забыв включить свет, и перед моими глазами из золотых светящихся в темноте чешуек складываются буквы моего настоящего имени...

Глава восемь

В которой восьмилетний Элиаш просыпается после полуденного сна в стогу сена в темном сарае от того, что его громко зовут по имени

Глубоко из тягучего сна я вырываюсь, как из вязкой паутины, на зов, кто-то зовет меня по имени. Сначала я решил, что это мама будит меня к завтраку, но чем больше я воз-

вращался к действительности, тем больше понимал, что это точно не она. Она умерла уже год назад, почти сразу после отца. Лихомор забрал обоих, не пощадив нас, оставшихся сиротами, на попечении старого слепого дедушки. С тех пор пришлось взять на себя миллион взрослых дел и поручений, в том числе, заботу о младшей сестре и, что уж греха таить, о слепом дедушке. Вроде бы он должен был за нами смотреть, но, во-первых, нечем, во-вторых, за ним самим глаз да глаз. Получилось, как получилось. Пришлось стать старше.

–Эли! ЭЛИ! – тоненький голосок маленького Матеуша раздавался по всей округе.

– Эли! Дедушка Тадеуш... Дедушка Тадеуш...

–Что? Что стряслось? – я уже было подумал, что дедушка...

–Дедушка Тадеуш говорит, с Аникой случилась беда...

Я не стал дослушивать, сразу побежал, чтобы узнать из первых уст...

Увидев заплаканное лицо своего деда, я понял: дело серьезное. Он любил нас, по-своему, ворчливо, по-стариковски, но любил. На старость лет оказаться с двумя малолетними внуками на руках, одной еще и пяти нет, второй только-только перестал наматывать сопли на кулак при каждом удобном случае... Так и зажили втроем, худо-бедно, но вместе. Семья все-таки.

–Элиаш! Элиаш! Аника!

–Что?! Что случилось! Не тяни, старый!

Старик взбеленился. Затряс клюкой, заорал.

–Ты опять дрыхнешь на своем сеновале, посреди бела дня, бездельник, а пока ты давил храпака, Анику полуденница утащила, поделом нам, бестолковым, не усмотрели, прости господи, не усмотрели за малой!

–Ты откуда знаешь? – спросил я.

–Оттуда, оттуда бестолочь, сердце мое чует неладное, Штефан сказал, что видел, как они с подружками игрались на границе Вепревой пустоши. А потом они с визгом разбежались по домам к мамкам под юбки. Аника не вернулась! Сколько раз, чертвасдери я говорил, не ходите туда, найдите другое место. Я еще малой был нас предупреждали, рассказывали про старую ведьму-полуденницу, которая на границе миров посреди пустоши живет и детей маленьких крадет. Ест она их, или еще какие колдовские варева делает, я не ведаю... Был наказ: не ходить! Нет, как патокой намазано, из года в год пропадает хоть один ребенок, так ничем вас не возьмешь, все ровно, ходють и ходють. Беги теперь, ищи ее среди колосьев, ой не вернуть нам теперь нашу пуговку...

–Молчи, старый. Не углядел, теперь молчи. Да тебе и глядеть нечем, пойду искать ее. Не вернемся к закату, считай, оба сгнули.

И я побежал. Что есть мочи, по дороге, мимо поля Ставра, мимо поля Добре, мимо указателя на развилке, там, где надвое делится тропа. К большому тракту, проезжая, ходо-

вая колея и к Вепревой пустоши, почти заросшая, но все еще видная среди высокой травы. Бежал, что есть мочи, крича ее имя, надеясь, что отзовется тоненьким голоском вдали. Размазывая горячие слезы пополам с пылью, налипшей на щеки, кричал во всю глотку, звал по имени: Аника! Аника! Отзовись!

Тишина. Только свистит встречный ветер в ушах и стегают упругие стебли по голым коленкам. Я продолжал бежать, пока совсем не выбился из сил, остановился посреди поля, оперев руки в колени, попробовал отдышаться. Солнце как будто застряло над головой желтым пронзительным оком, обжигающее, плотное, жаркое. Я глубоко вздохнул, пошел дальше. Приметил колосья, заплетенные в косы, черные, будто выжженные круглые пропадины то там, то тут. Верный признак того, что полуденница где-то рядом. Показалось, что я слышу ее гадкое хихиканье, старая карга. То справа сзади, то впереди, то слева. Издевается, бегаёт во круг. Знает, по чью душу пришел.

–Выходи, нечисть, отдавай сестру! – кричу я во всю силу своих легких.

В ответ только гаркнул ворон где-то наверху, и снова среди непроглядного марева из душистых трав раздался мерзкий смех.

–За сСесстрой пришел... Глупый маленький Элиашшшш... Ихххихихи

Как будто везде и всюду...

–Так, а чтожжж ты сСпал, а не сСсмотрел за ней, глупец?

Я оглядываюсь по сторонам, но вокруг только рябит переплетение сухостоя, жуть.

–ссСтало быть из-за тебя она пропала, так будут люди говорить? Иххихихихи...

–СсСмертью пахнет... СсСмертью твоей, маленький Элиашшшш... Твоей и сестренки твоей... Ихихиххихи...

–Что тебе нужно, немочь недобитая! Отдай сестру!

–Ихихиххихих отдала бы... Да только так проссто ничего в этом мире не отдаетссся, маленький Элиашшшш... Сходи-ка ты, сосстряпай мне одно дельце, может и отдам тебе сссстренку... Иххихихихих...

–Уговор! Только верни, верни Анику!

–Ихэхиххихи...

Гадина.

–Принессси мне сСсердце дракона... Тогда отдам тебе сссстру... Иди за солнцем три версты, увидишь в земле прогалину, лезь туда, в ссамую чернь. Как выберешьсся у подножия горы найдешь пещеру, там сспит дракон. Дам тебе ссстальной клинок, убей дракона и принессси мне его сердце...

Иххихихихи...

Просвистел стальной проблеск, клинок воткнулся аккурат у большого пальца правой ноги. Небольшой для взрослого человека, для меня он был как меч.

Делать нечего, я взял клинок, пошел за солнцем.

Старая не соврала, через три версты и правда наткнулся на прогалину, небольшую, ровно чтобы я пролез. Опустился на колени, из дыры пахло сыростью, землей, почему-то туманом... Темно, ничего не видно, а ну как старая обманула, и я прямиком в пасть какого-нибудь чудовища сам лично приползу?...

Не дал себе времени на раздумья, протиснулся, и полез вниз и вперед...

Слышал я в старых сказках о проходах между мирами, мама рассказывала про такие. Путешественники раньше часто ими пользовались, странники, авантюристы, сталкеры. Никогда не знаешь, куда тебя приведет такая червоточина, в грот, полный сокровищ, или в середину болота, прямо в гадкие щупальца неизвестной твари. Однако карга сказала, что я выберусь прямиком к подножию большой горы, веры ей нет, но и выбора у меня тоже нет. Я открываю охоту на дракона, а это значит, что мне совсем нельзя бояться.

Дракон спал. В прохладных сумерках, под звуки редкого дождя, который мягким шелестом пробивался сквозь сон, дракон спал и видел первородный цветной хаос, тихо урча от удовольствия, переминался на другой бок, выпускал облачка серного пара, и продолжал смотреть сны. Больше всего на свете дракон любил спать. Это глупые люди насочиняли, что

драконы вечно устраивают пожарища из городов и сёл, летают над землёй, в хищном и жадном поиске сокровищ, крови и чего бы поджечь. Чушь.

Ну, может сжег пару городов, так и то только потому, что глупые людишки докучали и мешали спать. То строить начнут совсем рядом, то руду копать, то вздумают посылать жестиных рыцарей одного за другим на никому не нужные подвиги. А так, дракон любил спать. Мягким пузом прижавшись к горячему полу, под которым текла подземная лавовая река, уютно свернувшись калачиком и поджав поплотнее хвост, дракон спал и смотрел много красивых снов.

Дракону снились россыпи розового кварца на дне реки, переливающиеся тысячами бликов от проникающего сквозь толщу воды солнца.

Ему снились встающие над облаками радуги, мостами протягивающие свои рукава от одного горизонта к другому.

Ему снились сияющие гроззовые каскады и разорванные в клочья свинцовые тучи, в которых так приятно купаться по ночам.

Словом, дракону снилась красота, которой он питался и именно потому дракону кроме сна уже не нужно было ничего.

Все дело в том, что...

Все дело в том, что дракон был стар.

А когда драконы становятся старыми, они все меньше выползают из своих убежищ, подолгу спят и греются возле род-

ного ядра земли. Они постепенно угасают, как угасают сожженные в угли поленья в камине, медленно отдавая жар вовне и становясь все больше похожими на большой камень. Когда дракон умирает, внутри он превращается в россыпь самоцветов: сапфиры, изумруды, хризолит, кварц...

Люди думают (дуралеи), что драконы охраняют сокровища, потому что на месте гнездовой всегда находят драгоценные камни. Но это не украденные у людей богатства, это сами драконы и есть эти богатства внутри.

И чем старше дракон, чем больше красоты он увидел за свою жизнь и чем больше красоты ему приснилось, тем ярче самоцветы из которых он после смерти весь состоит. Потому что больше всего на свете драконы любят смотреть на красоту.

И сами становятся ею в своем послесмертии продолжая изливаться в мир сиянием своих радужных снов.

Дракон спит, но сквозь сон слышит, как на границе его обители появляется беспокойный объект. Снова пришли тревожить сон. Дракон открывает один глаз...

Дракон открыл глаз, и я обмер от страха, потому что глаз оказался огромным, в его зрачке я поместился бы весь.

Дракон тяжело вздохнул, выпустив облако дыма, и сказал: —Я знаю, зачем ты пришёл, маленький храбрый мальчик

по имени Элиаш. Я так же знаю, что ты меня очень боишься, хотя и не показываешь вида. И я так же знаю, что старая карга тебя непременно обманет... Хм... Хм... Хм.....

–Мистер дракон, я клянусь, я не хочу вас убивать, но полуденница украла мою маленькую сестричку, и сказала, что отдаст её, только если...

–Только если ты принесешь ей мое сердце... Что же нам с тобой делать, маленький храбрый Элиаш... Я вижу, ты принес с собой клинок моего старого друга...

–Вашего старого друга? – я оторопел.

–Что, не верится, что такое чудовище знает, что такое дружба? – усмехнулся дракон.

Он еще и усмехаться умеет, во дела!

–Я расскажу тебе...

Однажды, в незапамятные времена ко мне, тогда еще молодому, вспыльчивому и очень злому точно так же заявился мальчишка, с этим самым клинком, который ты держишь у себя в руке. Заявился и сказал, что непременно убьет меня, из зубов сделает ножи и топоры, из крыльев палатку и плащ, а внутренности развесит на стене замка, чтобы все знали, какой он отважный и смелый. Я рассмеялся тогда, и чуть не сжег мальчишку, но что-то в его взгляде меня зацепило. Какая то неведомая искорка, доселе мной не встреченная и мне

непонятная. А драконы очень любопытны, и любят все удивительное почти так же сильно, как все сияющее и красивое. Поэтому я сцапал мальчишку за шкуру, как щенка, успел почувствовать его яростное сопротивление, гнев, беспомощность, злость. Но за всем этим...

За всем этим где-то глубоко внутри у мальчишки жила душа. Как синий, фиолетовый, красный, переливающийся огонь, первородная искорка, так похожая... Нет, сначала я покажу мальчишку одному вездесущему источнику, а там посмотрим.

Сперва я поднял его высоко в небо, и пролетел сквозь сырые белесые облака, вынырнув из которых мы оказались перед небесным водопадом, такое с земли никогда не увидишь, да и то, если у тебя есть крылья, ты встречаешь его только раз за жизнь. Даже если у тебя очень, очень, очень долгая драконья жизнь. Водопад обрушивался на нас полупрозрачной пеленой и хрустальной взвесью, звенел и искрился, отражая закатные лучи, и, окатывая нас холодными каплями, устремлялся потоком наверх, потому что небесные водопады режут и текут в обратном от земли направлении, нарушая все известные законы физики, о которых они не знают и на которые им откровенно плевать. Хохоча, мы купались в этом источнике истинной радости, пока солнце окончательно не скрылось за горизонт, и потом, я в крутом пике, завернув пару смертельных петель, влетел на полной скорости в маленькое отверстие в земле скрытое среди горных ущелий. Это

место знают только драконы и с точностью до миллиметра мы можем прыгнуть в него с любой высоты, всегда попадая в самый центр.

Мальчишка испугался конечно, но даже не заорал. Я почувствовал, как он доверился мне целиком и полностью, расслабился и отдался потоку. Я притащил его к самому сердцу гор. В полной темноте, хоть глаз выколи, ничегошеньки не видно... Там, в глубине горы, так близко к ядру земли, очень жарко, почти как в этой вашей людской бане. Там живет сердце... Его нельзя увидеть глазами, но если ты их закроешь... Если ты закроешь глаза, то сначала услышишь глухой нарастающий гул, заполняющий всю твою голову, а потом... Ты погружаешься в это мшистое, зеленое наощупь и наотмашь состояние, окутывающее со всех сторон, обнимающее, согревающее, созерцающее. Как будто ты вернулся в тот самый источник, из которого мы все состоим, и который сам есть чистая искренняя любовь и радость. И она ощущается этими искорками на кончиках пальцев, этим радужным переливом на границе ресниц, этими протяжными звуками, которые и не звуки вовсе, а чистая вибрация космоса. И ты постигаешь однажды и навсегда эту красоту, поселяешь ее в своем сердце, и уже ничто не в силах ее отменить и поработить. Ты весь из нее состоишь до самой последней чешуйки на твоём хвосте, до самых кончиков волос на твоей человеческой башке. Я почувствовал, как мальчишка прижался ко мне ближе, разделяя со мной восторг от этого чистого про-

явления жизни. В этом глухом подземелье между нами возникла особенная связь, какая возникает очень-очень редко, и которая есть наивысшее доверие и простота.

У нас с мальчишкой стала одна на двоих душа в этом разделенном на двоих понимании счастья. Сердце гор рассудило: нам теперь один путь. И мы с тех пор не разлучались почти ни на миг. До тех пор, пока его лета не закончились. Для человека он прожил очень долго, соседство с драконом питает и наполняет, и тем не менее, люди все равно живут меньше нас. Несколько зим назад мальчишка, уже будучи глубоким старцем скончался, и я остался один. Мне стало не с кем делить мое счастье, а оно, оказывается, ощутимо вдвойне, если ты можешь пережить его вместе с другом.

И я начал медленно угасать. Мое время пришло, и скоро я уйду вслед за моим вихрастым мальчишкой, я многое увидел за эту жизнь, мне пора...

Поэтому не переживай маленький храбрый Элиаш, забери мое сердце. Под левым крылом у меня там очень мягкая чешуя. Я доверяю тебе мою смерть от клинка моего дорого друга, это будет красиво. Только послушай меня внимательно. Как воткнешь кинжал в сердце, я начну каменеть, успеи его вырезать и вытащить. Пока оно окончательно не затвердело, проткни его моим же ядовитым клыком, и неси старой ведьме.

Я так и сделал. В податливую горячую плоть вошел клинок, проткнул его уже еле быющее сердце. Когда дракон

закрыл глаза, в последний раз вздыбилась и опустилась его крылатая спина, я понял, что он умер. Кристаллическая дрожь пробежала по всему его телу, вздыбив чешуйки, и он начал окаменевать. Сначала отяжелел хвост, и я замороженно смотрел, как пробирается каменный холод дальше по всему его огромному телу. Я спохватился и вырезал переставшее биться сердце, и, пока оно тоже не превратилось в твердый рубин, проткнул его клыком, немедленно впрыснувшим черный яд внутрь. Сердце застыло красивым багровым самоцветом, с прожилками завихрившейся внутри черной смертоносной тьмы.

Я знал, что ведьма захочет откусить от сердца кусок, поэтому ухмыльнулся, и, положив на прощание руку на огромную голову уснувшего навсегда дракона, развернулся, и пошел назад.

Так и случилось. Старая карга, как только заполучила сердце, сразу же жадно начала его жрать.

–Отдай мне сестру! – сказал я.

–Иххэихихих ничего ты не получи... Ведьма поперхнулась. Попыталась выдавить из себя еще один смешок и оглушающе заверещала.

–Ты отравил егоооо! Ты отравиил меня, ты, мелкий, гадкий... Она попыталась выругаться на меня еще, но тут ко-

жа ее начала трескаться и лопаться, как старая штукатурка на полотке в нашей церкви, отслаиваться кусками и рассыпаться в пыль, ведьма еще визжала, почти лишив меня слуха своими предсмертными воплями, но уже так и ничего не смогла мне сделать.

На мгновение мир поплыл у меня перед глазами, расслоился, подернулся дымкой, произошел сдвиг.

И вот я стою, посреди поля, держу за руку маленькую Анику, а она ревет как резаная, с закрытыми глазами, не останавливается.

– Не реви, дура, я уже тебя спас!

Она на секунду перестает рыдать, смотрит на меня широко раскрытыми глазами, узнав мой голос, но, видимо, не понимая, что происходит, начинает снова реветь, но уже не от ужаса, а от облегчения, ну что с нее взять ей всего лишь пять лет.

Ага.

А мне восемь.

И я только что убил дракона.

– Элиаш, Элиаш! – она плохо произносит буквы, и поэтому вместо «Элиаш» у нее получается «Элиас».

– Элиас! Расскажи мне еще раз, почему дракон не скушал мальчика, почему он взял его с собой в сердце гор?

– Потому что, маленькая дуреха, он сначала захотел сжечь его в угли, а потом понял, что такой души в мире больше не

существует. Такой души, которая способна до конца разделить с тобой красоту, а это самое великое счастье, если ты хотя бы в одной жизни из всех своих миллионов жизней, такую душу встретил!

– Это как мы с тобой, Элиас?

– Это как мы с тобой Аника!

Я обнимаю сестру, и мы засыпаем под шелест далеких звезд, кто бы мог подумать, что две души могут родиться так рядом и быть так близки, ведь некоторым требуется много жизней и много планет, чтобы найти друг друга. Я засыпаю, и вижу сны, как по большому желтому полю, полному колосящейся пшеницы, мы идем вместе с Аникой за руку, и нам не страшно. Я не боюсь ни старых полоумных ведьм, ни драконов, хотя и знаю уже, что драконы – хорошие. Мне восемь, и мне уже теперь все нипочем. Я держу в руке меч, я умею быть храбрым, и это все, что нам нужно. А впереди нас ждёт так много приключений, так много красоты, что не объять одним сердцем. А вот двумя – вполне.

Черт подери, я снова придумал себе счастливую сказку, но меня зовут не Элиаш и нет у меня никакой сестры.

Я написал этот рассказ в ночи, сидя в номере за переносной печатной машинкой, чеканя букву за буквой, выщелкивая запятые и точки, нещадно эксплуатируя заезженный сюжет о драконах.

Я завершаю произведение, выдергивая лист из зажима и

кладу в папку. Заголовок гласит: «Собрание сочинений и эссе, основанных на мифах и фольклоре народов восточно-европейской части континента»

Автор...

Я вчитываюсь в свое имя, пробую его на вкус, перекаत्याю по языку. Я не могу поверить в то, что это и есть я...

Глава девятая

Джек просыпается, и вместе с Джеком просыпается сарказм Джека...

...циничность Джека и мочевого пузыря Джека.

О да. Очень похоже. Мочевой пузырь-та самая чертова связь с реальным миром, никогда не дает зеленой стране гор из моих снов окончательно меня проглотить. И я просыпаюсь с диким желанием бежать в туалет. Так что да.

На автопилоте сделав все утренние дела, я возвращаюсь в постель. Утро начинается с нагромождения разных мыслей, они наваливаются в голову как мешки с пыльным, ненужным барахлом, и мне приходится расшвыривать их в стороны огромной лопатой, они рвутся, из них сыпется все подряд, и я тону, бесконечно тону в этом водовороте, не успевая вернуться в мой прекрасный сон... Сон, в котором...

Сон, в котором свежесть и прозрачность заменяют дела и обязательства, встречи и обстоятельства. В котором я дышу свободой, я молчу, и я никому ничего не должен, особенно

себе. В котором не нужно успевать по делам, которых нет, не нужно придумывать их, чтобы убить свое время и не нужно, в конце концов, быть тем самым убийцей своего времени.

Больше всего в жизни я ненавижу убивать время. Но извечно нахожу поводы и причины становиться этим психом, который в своем безумии пытается попасть на два параллельных поезда, едущих в направлении пустоши, и, один черт, заканчивающие свой путь обрывом над пропастью. На скорости они падают вместе со всем багажом и пассажирами в разверзшуюся бездну, похожую на жадный пожирающий все подряд рот Шай-Хулуда. М-да. В итоге нас всех переварит огромный червь.

Я злой страх Джека. Мне страшно. Мне почти всегда страшно, я боюсь. Я боюсь людей, мнений, привязанностей. Я боюсь заболеть, сломать конечность, не выплатить кредит. Я боюсь быть никем не понятым, осужденным толпой, казненным за собственные мысли, которые кто-то может посчитать богохульными или еретичными. Я боюсь женщин, боюсь детей, боюсь будущих неприятностей, которые строю сам себе как вавилонскую башню, бесконечно предугадывая и предполагая самый плохой исход. И я уже везде побывал в своих мыслях. Во всех этих местах, где меня вздергивают на веревке за шею, где меня бросают в холодный подвал – чью-то уютную пыточную, где моя любимая женщина говорит мне, что она меня не любит. Везде. И от этого... И от этого мне уже не так страшно. Я стал смотреть на свой страх как

на вечно недовольного брюзжащего деда на скамейке возле дома. Его слышно из всех распахнутых окон, ты проходишь мимо, и он бросает в тебя свои пророчества как ведун на погосте, закатив глаза и протягивая сухие, скрученные артритом руки в небеса. Нехай бубнит. На самом деле страх имеет силу, если ты в него веришь. А в пустые разговоры я больше не намерен верить. Разве что совсем чуть-чуть.

И вот я. Я вера Джека. Его надежда, любовь, и побитое чувство юмора. Вера моя, как и моя жизнь. Непостоянная, неустойчивая, ветренная. Ее мотает в разные стороны как маленький парусник в океане в шторм. Иногда я обретаю силу и свободу мчатся вдаль, ловя попутный ветер, и я такой отважный и смелый, я смотрю только вперед, я беру эту жизнь нахрапом, я ее хозяин, я здесь диктую условия. В такие дни, недели, моменты я способен на все. Ага. А потом приходит мое самое злое утро, и вот уже парусник не кажется мне таким уж надёжным. Где-то днище течет и в трюме сыро, вся гречка в запасах намокла и ее нужно срочно съесть, и теперь меня ждет несколько дней унылого ковыряния ложкой в тарелке с кашей, которая еще и недосолена.

И вот тут я теряю вес. Я уже не верю в то, что хорошо справляюсь с темой урока "как правильно жить эту жизнь" и скоро у меня экзамен. Но я приучил себя, со временем, постепенно... Приучил, что это все неважно. Что будет спад, будет подъем, будет шторм и будет штиль. А я внутри...

А внутри Я – привязанность Джека к совпадениям. Вот

скажите мне, почему если у человека имя "Джек", то он законченный псих? Потрошитель, мистер Джекил туда же, у Паланика опять же?... Зовут хоть одного вменяемого человека Джек? И я совсем свихнулся, потому что на каждом шаге я вижу подтверждение своему сумасшествию. Неспроста... Неспроста...

Неспроста из цифр на автобусе и на моих часах складывается последовательность Фибоначчи. Неспроста я все время снимаю жилье только на Зем этаже. Неспроста в день, когда меня уволили, я насчитал 11 ступенек, которые вели меня на эшафот. Я просыпаюсь в бреду, я совершенно точно уверен, что у всего происходящего есть связь, и я как кот, который заигрался с мотком ниток, запутался в них и теперь лежит и жалобно орет, прося о помощи. Я нахожу в себе силы отбросить и это тоже. Перестать так сильно фокусировать внимание на каждом совпадении одного паззла с другим. Стараюсь быть равнодушным, чтобы не качать маятник. Я однозначно псих, и эта биполярка не такая уж и смешная.

О смехе. Я Джеково чувство смеха. Нет, вы не ошиблись. Не юмора. Смеха. Когда смешно. Я бы назвал так мою автобиографию, потому что эти два слова олицетворяют всю мою жизнь и это никак не похоже на шоу Бенни Хилла или ситкомы. Это похоже на бесконечный радиоэфир, в котором голос в моей голове ведет стендап. Иногда включены приглашенные гости, но в основном я отлично справляюсь сам. И мне смешно. Где-то внутри грудной клетки спрятаны щекот-

ные колокольчики, которые дребезжат и все время приводят в движение тот самый изможденный нервный отросток, который отвечает за смех. Смех – это мышца. Радость – это мышца. Любовь – это мышца. И я регулярно посещаю тренажерный зал для того, чтобы поддерживать их в тонусе. Ведь если я не буду укреплять свою радость, то меня совершенно точно, не жуя, проглотит тоска, заправив соусом из отчаяния, отвержения, стыда и злобы.

Я недобитая совесть Джека. То место, в котором мне невыносимо жаль самого себя. Бедного, несчастного, всеми брошенного на произвол судьбы, мокрого умирающего котеночка, который просто пытается выжить в этом жестоком мире. И, святой Боже, как же я ненавижу это чувство. Поэтому я делаю все возможное, чтобы его испытывать как можно реже. Ведь как повелось? Чем сильнее себя жаль, чем больше я хочу спасти каких-то незнакомых мне людей и таких же незнакомых мне животных, тем больше я не обращаю внимания на самого себя. Вот такая дурацкая смысловая матрешка, очень простая по сути, но очень сложная для понимания. Все самое простое в моей жизни я постигаю какими-то невероятными дурацкими и болезненными уроками, которых с радостью бы избежал, если бы не был безбожно туп... Ну или это такой сценарий, и, грозя кулаками в небеса и призывая на помощь всех богов, я просто сотрясаю воздух, потому что мне уже точно никто и ничего не поможет. Ну, вот разве что лоботомию я еще не пробовал, но способов отсоединится от

реальной жизни и от самого себя здесь и так предостаточно. Дай только повод, и ты в момент будешь отвлечен любой занимательной бредовой идеей, которая не имеет к тебе абсолютно никакого отношения, зато зелененькая, блестящая и крутится. Вот так.

Я понимаю сути вещей Джека. Возвращаясь к моей несмешной биполярке, хочу отметить: я всегда знаю, что я умнее всех. Но это никогда не мешало мне совершать идиотские поступки. И я могу очень здраво, связно и красиво рассуждать на миллион разных тем, я могу поддержать беседу о кино, о книгах, об искусстве. Я эрудирован, я начитан, я подкован. Но жизнь... Жизнь имеет самое хорошее чувство юмора. Поэтому, в противовес моим заумным комментариям о ее смысле и о моем предназначении, она подсовывает мне под нос тарелку с мятным драже, раскусив которое я обнаруживаю, что внутри смесь из тротила и перца чили. Моя голова сворачивается винтом, разрывается, раскалывается как арбуз, и мякоть вместе с семечками течет по асфальту, растаптывается прохожими и, напоследок, размазывается тонким слоем наехавшей на нее покрышкой от тойоты. Я понял, что я ничего не понял. Ну и черт с ним. Со мной. Со всем.

Я воображение Джека. Воображение, которое, как и все в моей жизни, о двух сторонах монетки, которая зависла в воздухе и никак не упадет. Которое мне и враг, и друг. Ко-

торое сказка о двух концах, с какого ни начни, все едино, встретимся в середине. Воображение подкидывает мне все самые страшные сценарии, все самые вкусные идеи, все самые интересные маршруты по синапсам и транснейронным магистралям моего же мозга. Вот я: живу свою жизнь, а сам как будто заблудился в останкинской телебашне, в этих бесконечных этажах и коридорах, выстеленных красными коврами дорожками, в которых тонет звук и тонет свет. Иду, бегу, еду. Иногда останавливаюсь, чтобы заглянуть за дверь, за ней показывают любопытные фильмы и передачи, и все они про мои жизни. Военные драмы, нескончаемые сериалы про близкое окружение, документальные фильмы про бобров (в них тоже есть про меня), комедии в конце концов. Иногда так завертит и закрутит, невозможно оторваться, и тогда синие экраны проглатывают мои глаза, мое внимание, всасывают внутрь себя мою сущь и мою душу, и очень сложно бывает себя оттуда извлечь. Вот я: по сценарию муж и отец. Несчастлив по факту, но счастлив по сути. Вот я: последний самурай, оплот достоинства и воинской чести. Вот я: бестолковое существо, тычущееся во все возможные места для неквалифицированных сотрудников, и везде получающий отказ. Я проживаю столько вариаций, придуманных не мной только для того, чтобы вспомнить... Я забыл, что именно я должен вспомнить. Поэтому мое нескончаемое путешествие по мосифльмовским коридорам продолжается, раз за разом, день за днем.

Я усталость Джека. Я устал. Неведомые тяжелые руки лежат у меня на плечах. Или каменные своды. Или мешки с мукой. Кто знает, откуда во мне берётся это ощущение ноши, тянущее, ненужное, обременяющее. Как будто отжил свое и в своем послесмертии не смог упокоиться, как зомби, как восставший заново из могилы, я восстаю по утрам из постели. В моем послесмертии... Тягучая паутина дней не отпускает заботами о следующем шаге. И я точно знаю, что этот шаг ведет меня в пропасть. Я все сильнее тону в этих ощущениях иллюзии безопасности, иллюзии стабильности, иллюзии уверенности в завтра и в послезавтра. Через послезавтра я освобожусь. Но оно наступает тяжелым ботинком мне на горло, и я снова тут.

И я не раз поднимался и падал, я не раз отчаивался окончательно, еще раз окончательно и в последний раз окончательно, и потом снова обретал способность летать.

Я опустошающая печаль Джека. Как Хаул, я покрываюсь зеленой слизью уныния и всенародного горя, когда мысли мои становятся моими врагами, отправляя меня на рекурсивную спираль из переживания заново своих негативных опытов, которые приносили боль и разочарование. Я варюсь в этом котле, как жаба, не осознавая, что медленный нагрев меня в конце концов убьёт. И самым страшным мне представляется наказание, в котором меня швырнут в самое мое неосознанное начало, к истокам моего путешествия, и мне придется заново, наново пережить все, что я пережил.

Я застоявшаяся ярость Джека, я немотивированная злоба Джека, я его сухие слезы, я его заросшее джунглями чувство долга. Я перечисление всех свойств Джека, и я их противопоставление. Я его любовь разговаривать с людьми, и я же его желание сделать так, чтобы все заткнулись. Особенно когда они пытаются. Пытаются в спорах, бесконечных и бессмысленных, выяснить, кто прав. Выяснить, кто источник всех бед. Выяснить, что Не Есть Бог, а что есть Бог.

Ибо облекая что угодно в слово, человек искажает сущность предмета, его суть и свойство. Потому что племя людское погрязло в лжи и удалилось от первородной истины искрящегося хаоса.

Человек решил, что только в споре рождается истина, только лишь в противопоставлении себя в мертвую точку обособленности, есть правда. Что очертив себя кругом, и выйдя за пределы единства, он как бы возвысится над всем остальным, станет отдельной боевой единицей, сможет управлять своей судьбой и судьбами всех окружающих живых и неживых существ.

Глупо и наивно. И, более того, этот путь, полный остролиста, щипающего за обнаженные щиколотки, полный изгибов и порогов, пунктирной линией лежит на карте человеческой жизни, и, сделав несколько мертвых петель, так или иначе, приводит обратно к источнику.

Другое дело, каким ты придешь, каким ты предстанешь к порогу своей смерти.

Сломленным и обессиленным, злобным и некрасивым, озверевшем от испытаний, на которые сам себя обрек и обвиняющем всех и вся в том, как красочно ты спотыкался на выбранном тобой же пути.

Или же красивым, сияющим, свободным...

Говорят, ты станешь одним из этих маленьких светящихся огоньков в звёздном небе после смерти...

Как же их называют...

Звезды?

По ночам они шелестят и щебечут, тихо перешептываются между собой, мерцают и искрят где-то там, в вышине. Поют свои звездные песни, танцуют, грустят и веселятся.

Знаете, говорят, наши души в своем послесмертии могут стать звездами.

Звездами будущей, еще не рождённой, новой вселенной. Упражнение на бесстрашие: кому из нас хватит смелости превратиться в горячий шар света, большой красный, или маленький желтый, или ярко голубой, или сверхновый? Пульсирующие, нестабильные, эволюционирующие, уникальные, неповторимые, с жестким рентгеновским излучением или с мягким, живым светом. Как же мы похожи!

Звездное население нашей вселенной настолько велико и разношерстно, насколько население нашей планеты. Среди них есть почившие, старики, нестабильные молодые, стабильные середнячки. Есть звезды-неразлучники, которые в

счастливым союзе, в паре со своим спутником-черной дырой, являются уникальными явлениями. От звезды к спутнику идет струя газа, образуя вокруг него плазменную оболочку, которая тоже светится.

Белый карлик взрывается и создает вокруг себя планетарную туманность. Они текут и рассеиваются, принимая разные формы. Не все из них сферические, они имеют сложную структуру, пока еще никем не объясненную. Там, в космосе, существует своя погода. Звездный солнечный ветер, полярные сияния, магнитные бури.

И ты, мой друг, ты совершенно точно ею станешь... Сияющей суперновой.

Если вспомнишь свое настоящее имя. Которое состоит не из букв человеческого языка, и даже не из звуков, порождаемых физикой этой Вселенной.

Может быть, это отпечаток на сетчатке глаза, появившийся при твоём рождении. Может быть это горное эхо, разносящее свой голос в ночи.

Может, оно пишется каплями крови на белом подоконнике, которые стекают из случайно пораненного бумагой пальца.

Достаточно ли ты внимателен, чтобы углядеть свое имя среди всех этих бесконечных знаков, знамений, символов?

Достаточно ли ты внимателен для самого себя?

Достаточно ли ты внимателен, чтобы не смотря ни на что, не смотря ни на какие перипетии в твоей жизни свято верить

в сказку о том, что твоя душа превратится в суперновую, вспомнит свой свет, вспомнит свой пульс?

Возрадуется и воспарит над подлунным миром. Чихнет, рассеется, рассмеется...

Я отчаянно пытаюсь вспомнить свое имя, и, кажется, сегодня я нащупал что-то очень-очень важное, очень близкое. Я знаю его, я знаю его, я хочу в небо...

Я отворачиваюсь от человека, играющего на калимбе грустную мелодию, погруженный в собственные мысли...

Через два дня я вспомню эту мелодию, и кажется, вместе с ней свое имя...

Нужно только слушать внимательно...

Я забытое имя Джека, я не то, что он представляет себе, не весь этот глупый набор реконструкций, я всего лишь...

Глава десять

*В которой капитан звездного корабля Василий Баев про-
сыпается в камере анабиоза, захлебываясь дыхательной
жидкостью и пытается понять, что происходит.*

Системы дали сбой.

Несколько фактов, ужасных, но являющихся правдой.

Тела экипажа истлели практически в труху. Их камеры оказались повреждены, представьте, все, кроме моей. Пережив первичный шок я занялся делом. Простым, понятным.

Делай что можешь там, где ты есть. Все стало неважно, но я решил по всем правилам космических путешествий предать тела почтению и погребению.

Отправил их, в этих блестящих саванах в открытый космос, дрейфовать в пустоте, одного за другим.

Как мог навёл порядок, убрал остатки жидкостей, расставил все по местам.

Сел, и понял. Теперь я один.

Вам знакомо чувство оглушающего одиночества, которое внезапно настигает, посреди дня, посреди ночи? Оно не обращает внимания на наличие людей вокруг, ты брошен, никем не понят и совсем-совсем один? Знакомо?

Так вот я это познал в полной мере, и все мои невзгоды и чаяния, пережитые мной в земной жизни никогда бы не сравнились с тем, что я испытал сейчас.

Прием-прием...

В ответ только белый радио шум и ничего больше.

Есть ли здесь хоть кто-то живой?

На много световых лет вокруг ответ: нет.

Но я продолжаю посылать свои сигналы в пространство космоса. Потерянный в этом мире, полном звезд, но чуждом для людей.

Я остался один, и это теперь навсегда.

Капитан космического корабля должен обладать качествами сверхчеловека, принимать экстренные решения в непростых ситуациях, так как от них зависит жизнеспособность команды и целого корабля. Капитан корабля должен...

Бла бла бла... Должностная инструкция мной зачитана до дыр, как и все имеющиеся на борту книги. Я болтаюсь тут уже слишком долго для того, чтобы перечитать все, что можно перечитать. А новых поступлений в нашу книжную лавку не намечается в два ближайших эона.

Нас готовили в космонавты.

С самого детства. Таких, как я, тренировали, бесконечно проверяли показатели здоровья и психики. Капитан космического корабля должен обладать устойчивыми психофизическими навыками. Должен, должен, должен... Сейчас я уже никому ничего не должен. Бесполезен, как и моя должностная инструкция.

Прием-прием...

Знаешь, а я решил, что не буду сдаваться. Хотя смалодушничал, и сдался уже тысячи раз. Столько же раз подходил к обрыву. Столько же раз хотел покончить с собой. Но я не имею на это права. Потому что за мной... Потому что моя честь и доблесть не позволят оставить в одиночестве тех, кто окажется в такой же ситуации. И пусть мой голос подхватит солнечный ветер и тот, другой, поймает его, сидя в своей ра-

диорубке с намыленной веревкой, лезвием или что там у него будет припасено для того, чтобы покончить с собой.

Здравствуй друг. Ты не один. Я такой же. Слушай мой голос. Слушай мою историю, как слушал множество историй до этого. Может быть, именно я буду тем, кто поможет. По крайней мере, если у тебя за плечами целая вечность одиночества и такая же вечность впереди, ты можешь несколько минут подождать, и выслушать меня.

Слушай. Я не знаю, как ты остался один, но я – по глупости своей и, конечно, невероятной гордыне. Миссия была невыполнима на этапе зарождения плана, а я, как все гордецы, люблю всё невозможное. Меня отправили в экспедицию к центру нашей галактики и все, что могло пойти не так, пошло не так. Это закон мироздания, который не учитывают наши астрофизики при расчёте пути следования. В какой момент забарахлит техника? В какой момент у меня сдадут нервы? В какой момент я просто усну и пропущу вспышку? Одному богу известно, и только ему. И в тот момент, когда красиво начерченная линия вашего плана начинает хаотично скакать и прыгать, как кардиограмма завязтого сердечника, ты, очевидно, пребываешь в полнейшей фрустрации, потому что таких непредсказуемых поворотов никто не ожидал. Так что быть готовым надо чуть более чем ко всему и сразу. Уповать на счастливую случайность точно не стоит, когда начинают ехать крышей все известные тебе законы физики, благо, пока что есть кислород и какой-то запас пище-

вых капсул.

То, что показывали приборы и телескопы это одно. Никто не учел, что приближение живого существа к центру галактики будет иметь совершенно другой характер.

Я потерял связь со всеми спутниками. Вообще потерял связь. Приборы барахлят, поэтому я даже не могу вести какой-то адекватный отсчет времени. И оно постоянно искажается и играет со мной в злые прятки.

Капитан Василий Баев вызывает Землю...

Капитан Василий Баев вызывает станцию «Юпитер»...

Капитан вызывает солнечную систему....

Нет ответа.

Временами на меня накатывают воспоминания.

О том, что происходило прежде. Об упущенных возможностях и незамеченных мною простых истин.

Живи и радуйся.

Вокруг очень красиво.

Совершенно невыносимо красиво. Сверхчувствительность человеческого существа не выдерживает нагрузок, глушит это восприятие, создает что-то сродни болевому шоку. Это шоковая нагрузка красотой. Каждого мига этой жизни.

Я только сейчас это осознал, все, чего лишился, все, чего не замечал.

Каким нужно быть беспросветным дураком?

Я оставлю это как есть.

Чистым, незамутненным воспоминанием о том, как может быть красиво.

Как в облаках скрываются горы, предвечерним сумраком спускается в ущелье туман.

Старая груша перед домом возвышается бесконечной зеленой горой ветвей и листьев, кажется, что она уходит в самое небо своей кроной, никто никогда не видел, где заканчивается ее верхушка. Она обстреливает жестяную крышу сарая мелкими круглыми горькими и несъедобными плодами. Падающие снаряды громко и гулко гремят по стальной лестнице и отскакивают на щебень. Груша вредная, ворчливая, вся в зазубринах и проплешинах, но, как старая бабка, просто назло переживает тут всех, чтобы никому не оставить ни наследства, ни права побывать на ее похоронах и позубоскалить.

Она заслоняет собой все окно из кухни, являясь и продолжением, и подтверждением лика природы, неумолимого леса, подступающего к самому краю жилища людей. Лес шумит. Шумит небольшая горная река. Тропа проглатывает путников, отважившихся ее преодолеть.

Что со мной стало? Время опять встало.

По стойке смирно, как оловянный солдат, замурованный, отлитый в неподвижность человек.

Годы растянулись в зоны, прошлое зыбким отражением маяка маячит за спиной, будущее предопределено.

Грустные вещи, хищные вещи, ненужные вещи. Обрамляют меня стенами, домами, людьми, мелкими кусочками разных паззлов, из которых я пытаюсь собрать один целостный пейзаж. Куда там. Куда нам?

Вперед, по прямой, не сворачивая, сворачивать. Вспомнить себя, вспомнить цель, вспомнить средства для достижения цели и добыть средства на проживание и пропитание тела и духа.

Чем питается дух?

Одиночеством, иллюзорным, как и все сущее, и тем не менее... Более или менее.

Согласен на все, лишь бы не слышать поступь вечности, гремящей хрустальными колокольчиками. Только бы не забыться во сне, пропасть там, со всеми своими мечтами, со всеми потрохами своих желаний и своих надежд. И не дадут этого сделать. Выдернут, вывернут, вернут в реальность. Негоже нам, спящим в этом вящем настоящем.

Чувственность глушиться набором невидимых обязательств, они мне не принадлежат, но почему-то мной обладают мной, указывают мне как жить и что делать, не оставляют в покое.

Внутри моей тишины тишина. Завернутая в два пледа, курит на балконе, считает светлячков и беспечно останавливает поток несурзных мыслей.

Она не говорит со мной, почти не дышит, только ухмыляется, и ждет.

Ждет, когда я, наконец...

Когда я побросаю все свои суесящиеся и бегающие вокруг дела, вернусь, и мы будем делать абсолютное ничего вместе.

Я и моя тишина.

Неразлучными близнецами засыпая в белой постели, сцепившись руками и уперевшись покатыми лбами друг в дружку. Плавающий островок сознания среди ночной пустыни.

Где бы мне взять сил добежать до финала, не опустить руки, не стерев ноги в кровь.

Ничего странного не случается ни с кем из живущих, в моем мире, в мире, где материей управляет дух, который состоит из двух.

Я повторяю про себя, я повторяю вслух.

Мне безбожно холодно, мне невыносимо жарко. Лихорадка подступает к моей голове, и мне нужно выдохнуть, прервавшись на бесконечном додыхе. Слишком много людей и мыслей, приходящих, приносящих шум, но не оставляющих ничего после своих разгромов.

Это излечение души, это извлечение света. В конце этого лета...

Друг мой останется... В записях на флешках, на кассетах, на дисках, в облачном хранилище, возможно, это, когда-ни-

будь останется. Я помню, как ты, текущий, свободный, плечи и руки, бьешь в барабан, закрыв глаза и создавая ритм-ритм-ритм. Как ты, структурный и собранный, взглядом в свое измерение, настраиваешь пятиструнный бас на частоты вселенной. Как ты, мечтатель неизмеримых высот, берешь саксофон и выдаешь мелодию синархии звука.

Потому что ты, как и я, ходишь босиком по пустоте. Потому что ты, как и я, движешься вместе со светящимися лирами мира. Потому что ты, как и я...

Друг моего сердца.

Слово не разворачивай на полпути, кеды не переодевай в полупрыжке.

Здесь, в горах, где тучи собираются танцевать вальс, я обретаю снова, заново силу духа. Ты со мной. В долине папоротников, в долине теней, в долине огня.

Я забираюсь на самый высокий пик, я спускаюсь на самое дно болота, поезд прибывает на станцию, выгружает безликого без тела и бессмертного без души. Когда границ нет, остаются только бликующие грани, где свет преломляется, рассыпается на звук, волну... Синусоида волшебства.

Технология супрафизического сдвига постигается в моменте, когда волчьи зубы смыкаются на коже.

Вот, сшитый из разных лоскутов личностей и реальностей, цветной пёс. Волной ультразвука сшибает стены зданий, крошит бетон в пыль.

Делай проще, делай больше.

Куда направишь свой взгляд, капитан межзвёздного корабля?

Знаешь ли ты, чего хочешь?

Я знаю. И ты.

И все об этом волшебном лете, и все об этой невыразимой любви.

Я романтик. Был им и останусь.

В самых тяжелых думах, в самых тоскливых днях, я просто буду помнить, о том, что жил не зря.

О том, что все это видел, о тех, кого я любил, о тех, кто меня забыл.

Я передаю свою радиоволну в пустоту, зная, что меня не спасут, зная, что я обречен, зная, что я один.

Но там, за много световых лет есть вы. Живые, счастливые и несчастные, свободные делать выбор, способные решать свою судьбу.

А я здесь. В пустоте, с которой все началось и которой все закончится.

А в промежутке нам дана возможность любви и красоты.
Внимание. Обратите внимание.

Я выключаю кассетную запись, откидываюсь на спинку

кресла в усталом и небрежном опустошении.

Мы получили эту передачу несколько лет назад, и никто до сих пор не знает, что было дальше. Мы ждём еще, мы настроили все свои спутники на прием.

И мы ждем.

Я безликий безымянный служащий радиорубки, страдающий провалами в памяти. Я хотел было поверить, что меня зовут: Василий Баев, и я бесстрашный капитан космического корабля. Но я смотрю на свое служебное удостоверение, и читая прыгающие буквы понимаю, что я совсем не он...

Глава 11

В которой Гаспар Магай просыпается среди ночи, выброшенным на берег, задыхающимся, пытающимся вдохнуть свое сознание обратно, как кислород.

Я вынырываю из пространства своих снов, омываемый морем и соленым ветром, припоминаю свой сон...

Сон, в котором я бреду по пустынному пляжу и бесконечно натываюсь на разношерстные предметы, которое выбросило море. Как море выбросило меня. И мне почему-то кажется, что это какой-то паззл, я беру недостающие детали в руки и пытаюсь собрать цельную картину из ржавых тазов, блокнотов, коряг и башмаков. А паззл никак не склеивается в одно целое, потому что там, дальше, еще и еще, детали, вещи, картинки, трещинки и зазубринки. Я утомлен и

опустошен этой головоломкой, которая не складывается, и меня выматывает знание о том, что должно получиться, но... И это очень похоже на иллюстрацию к моей жизни. Я все время стремлюсь вперед, к заветному недостающему кусочку знания, которое точно мне поможет все расставить по местам, которое позволит мне немного отдохнуть от этой гонки за благополучием и безопасностью, благодаря которому я смогу проспать кряду несколько часов, не вскакивая посреди ночи в холодном поту от осознания, что есть несделанные дела, не проведенные встречи и неувиденные мною чудеса.

Я вспоминаю, когда жизнь была сильнее смерти.

Когда, если, как будто.

Когда детей не клали на амбразуру социальных ожиданий.

Когда можно было петь и лететь. Когда можно было...

В прошлом, которого не было. Не имеет значения, что рассказывают, и что расскажут. Все картины написаны кровью, как и все учебники истории, мы запятнаны ею с момента, как начинаем верить в суждение извне. На всех картинках космические корабли только и делают, что сражаются с маленькими межпланетниками, с большими крейсерами, друг с другом. Всегда происходит вторжение, агрессия, беда, напасть.

А я хочу, чтобы космические корабли...

Чтобы космические корабли блестящими птицами взмывали в небо, уносили с собой команды задорных исследователей и искателей, дружных, смеющихся, радостных. Откры-

вать новые планеты, новые миры, новых друзей. Чтобы не вторжением, не наживой, не поиском нового места для жизни вместо убитой нами же Земли, но добрым жестом, доброй волей.

Здравствуй, новая мыслеформа, как поживаешь, как ваше ничего? Ничего.

Завладевая территорией все хочется оттяпать кусочек побольше и послаще. Неверно. Еггг. Это так не работает.

Потому что огненным драконом с Ориона нельзя управлять, с ним можно только подружиться, доверить ему свое существо, честно и искренне показать суть и тогда можно вместе в полет.

Потому что афалины с Сируса чувствуют микроложь, на всех уровнях, а мы здесь тут чемпионы по вранью, особенно самим себе.

Потому что законы гравитации могут плавиться под твоим взглядом, потому что ты способен создавать миры. А ты выясняешь, кто из двух белых котов с помойки не прав.

Жизнь сильнее смерти. В неслучившемся будущем, рано или поздно, так или иначе, придётся пожать руку своему врагу. Сотворил ты его сам. Потому что нет врага, кроме того, что видишь в отражении, а если не видишь в отражении ничего, значит, пора в путь.

Люди собаки, люди кошки, люди волки.

Если ты мне волк, значит мы стая. Так повелось. Нежными носами принюхиваясь к утренней росе и друг к другу,

мы начинаем наше путешествие при встрече, я сойду раньше, тебе до кольцевой. Кататься полусонным, уронившим на рюкзак голову и руки, сделать лишних три витка, прежде чем выйти из этой подземной сансары. Прочитай все книги, посмотри все фильмы, подслушай все случайные разговоры, попади в неприятные приятности и в случайные связи. Ты пришел сюда по своей воле, и да, в нашей послесмертии, в этом светящемся радужном мире все не так, все по-другому, наверное, проще. Но ты здесь. Значит, ты сделал выбор. Познай игру с помощью игры. Можно обезуметь окончательно, слететь с катушек, дать себе сил и воли решить, это они тупицы, а не ты дебил. Моя остановка, я шагаю в пропасть. Не прощаемся, еще свидимся, доброго пути.

Меня ждет маленький межпланетник. Гладкая пуля, капсула телепортации в неизвестность. Есть и другие миры.

Их никто не видел, они несозерцаемы и не существуют в этой вселенной. Но они ждут. Недреманое око не сомкнется.

Они ждут, и я иду к ним с расprostертым сердцем, стертym в порошок. Не сеятель, не жнец, не пахарь. Я не оставляю следов, я не рассыпаю хлебные крошки.

Найди свой путь сам. Поверь, ты будешь в восторге.

...

Я ненавижу себя за свой дар оставаться ни при чем. Слушая разговоры, дискуссии, споры. Никогда не вовлекаться, не участвовать, не присутствовать. Это стирает мое лицо, делает меня бесчеловечным, безучастным, непринужденным,

высокомерным. Мне как будто нет дела. Как будто. На само деле. И никто так до конца и не поверил в это. Как будто присутствие моего дело еще о чем-то говорит. Нет, не говорит. Прошу, не нужно этих неоправданных ожиданий, на меня не получится переложить ответственность, я ее не возьму. Я растворюсь вместе с дымом от костра в предвечерних сумерках, смешавшись с туманом и облаками. А ноша останется там, где раньше был я.

Я появляюсь в чьей то жизни только лишь для того, чтобы человек разочаровался в собственных отражениях. Я пуст. Я ничего из себя не представляю, у меня нет ни имени, ни звания, ни призвания. Я обретаю все эти признаки только лишь в присутствии Другого. Того, кто смотрит выжидающее. Того, кто хочет узнать ответ на вопрос: почему время нелинейно? Того, кто хочет волшебную таблетку от боли, и думает, что я прячу блистер в кармане в зажатом кулаке. Что, когда я раскрою кулак, на нем окажется что-то, что приведет его к победе над самим собой. Обыкновенное чудо. Но там только фантик от творожного сырка, и чудес я с собой не ношу. Не могу.

Чудеса случаются со мной. Намеренно или сами собой. И оттого люди думают, что я к ним как-то причастен. А я просто их вижу. И это все. Я наблюдающий призрак, бесплотная тень. Чудеса любят меня, ластятся своими шерстистыми головами, ждут, когда я захочу, чтобы они случились. Ждут, когда я захочу.

Потому что все всегда хотят. А я не хочу

Я не умею хотеть сам по себе. Я могу хотеть только для кого-то. Для кого-то очень красивого, воздушного, летящего и искрящего. Для драконов хотеть просто. Они и сами являются чудесами, только не знают об этом.

Когда мы отправляемся в путешествие, пол ногами из корней вырастают чешуйчатые василиски, переползают тропы и тихо шипят, только тихо, не смотри им в алые зрачки... Водяные ворота скрывают песни подводных жителей и разной нежити. Нечисть, говорят в народе... Лучшие друзья, говорю я. Лохматыми головами лешие склоняются и свисают с ветвей, дриады звонким смехом разбегаются из поля зрения, и только в слепом пятне можно увидеть слабые блики: это их сверкающая на солнце кожа.

Я помню, что я...

Я всеведущ и вездесущ

Я суть

Я сила

Я жизнь

Я дважды(многажды) не родившийся ребенок, прерванная жизнь, порванная нить. Я умирал молодым и старым, беспечным, пьяным от алкоголя и веществ, трезвым, как стекло, убитым, как время, во сне и в бодрствовании, в здравии и в болезни, в мучениях и с легким сердцем.

Мне втыкали ножи в спину и мечи в основание черепа, предавали, продавали, вздергивали на ветке. Я помню каждого и каждую свою смерть. Но что более важно, я помню каждую свою жизнь.

Я находил самых лучших друзей и самых злейших врагов. Они менялись местами как карты в колоде, дамы, короли, вальты. А я всегда был джокер. А я всегда был помножен на ноль.

А я всегда просто был.

Был золотой шестеренкой, недостающим звеном, перего-родкой, медиатором, транслятором.

Через меня говорила Вселенная и все что я делал – старался не мешать ее голосу говорить через меня.

И если я самый последний злодей, то я: самая отчаянная надежда. Пусть так.

Я самый верный товарищ, который тащит тебя, израненного, по полю боя, залитому кровью, спасает, ценой своей жизни пусть так.

Я самый подлый предатель, который выдает сто неверных решений и поступков только для того чтобы ты через меня познал свои уроки.

Я был любим. Я был ненавидим.

И я ничего не мог с этим поделать. Суть вела меня по дорогам жизней, чертила путь, трассерами указывала во тьме мои цели.

Я видел очень много боли. Боли матерей, теряющих своих

детей, для войны ли они их вынашивали и рождали?

Видел боль отцов, чьи сыны не оправдывали надежд и становились худшими представителями человеческого рода.

Боль друзей, которые были вынуждены расстаться после стольких лет.

Боль любимых, чьи спутники все больше зарывали себя в яму и их бессильную ярость, ярость бессилия, неспособность помочь и спасти.

Кто меня осудит, кто меня наградит?

Я всего лишь Голос.

Я стал прозрачен, прозрачен и пуст.

Помещая заблудшие души в сферу чистоты я всего лишь давал им возможность увидеть самоё себя. Ибо в пространстве, где нет отражений, а есть только возможность проявиться, ты можешь делать это на полную мощь, не отвлекаясь и не отвлекая.

Укутанный тьмой взор ищет зацепку, ищет, куда можно направить свое внимание, и находит свое существо. Как есть.

Истинно и непоколебимо.

Вот такой ты. Посмотри на себя.

Хватит ли тебе широты сердца и любви не сойти с ума, увидев себя во всем уродстве и во всей красоте?

Я дополняю триединство. Элемент, который уравнивает твою смешную биполярку, что еще называют дуальностью всего сущего. Ты некрасив, ты прекрасен, ты добр, ты зол, ты спектр света, ты свет.

Я запутался в паутине своих имен и личин. Я пропал в туманном мареве галактических скоплений, я забыл, я вспомнил. Я стремился и отчаивался, я опускал руки, и я был тем, кто несет факел. Я вырвал свое сердце и стал этим пылающим сердцем. Я ждал и разочаровывался в своем ожидании.

Я не стал лучше, чем кто-либо из живущих, но и хуже, определённо, не стал. Я первородная искра космоса, мой путь – волна, я и есть волна. Пульсирующая, сияющая, звездная.

Камень, брошенный в воду, рябь кругов на воде, вода, воздух, солнце.

Я разделен на тысячу кусочков своей души во всех живых существах, но я неделим, един, целостен.

Я: Гаспар, умерший, возрожденный в памяти и в буквах: черных, на белом, в звуках, стелющихся в уши тем, кто слышит, в образах, картинах, странных явлениях...

В конце концов, не имеет значения, как меня зовут: Гаспар, Оскар, Люциус, Рауль... Много личин и имен, все об одном и том же. И вообще, слишком много тут обо мне.

Давай переиначим.

Помнишь ли ты свое имя?

Здравствуй, как тебя зовут?

Эпилог.

Ноги в песок и соль,

Как проснёшься, прорвавшись сквозь помехи телефонной

связи и радиоволн, вставай, иди, дыши, тонким дымом стелись к потолку, бегай топоча по комнатам, роняя куски своего сознания то тут, то там, вот чашки и кружки, окурки, нитки, капли застывшего гипса вырастают вокруг как стены города, из которого мы сбежали.

Как закатное солнце на плечах своих несёт 48 слоёв градиента, воистину, труд атланта, поди, такую тяжесть удержи, не то, что спина надломиться, так сможешь ли сдюжить с таким количеством красоты, какое не вместится ни в одну человеческую душу. Так и моя, смотри уже по шву трещит, лопается, кипит изнутри жгучей лавой, потому что ядерный реактор превращает глаз твой сначала в один сплошной залитый чёрной смолой зрачок, трансформирует его в тrefо-вую масть, ну ты – всегда в масть, кто бы спорил, а потом нагревает моё сердце до такой температуры, при которой не то что не живут, при таких нагрузках уже страховочные графитовые стержни начинают плавиться, превращая существование в одну сплошную любовь.

И

Я вырежу отпечаток твоего образа как делают себе тотем или фреску, носить под сердцем, согревать свою душу только напоминанием о том, что ты, такой, горящий пламенем тысячи входящих в атмосферу метеоритов, переливающийся, горячий, плотный, пульсирующий, как новорожденная суперновая, есть.

Чтобы, когда меня настигнет очередной персональный ко-

нец света, когда меня снова потащит в холодную пропасть отчаяния привязанный к левой почке ледяной булыжник, я вспомню.

Вспомню как перед глазами расплетались зыбкие полосы иллюзии боли, вдох, море забирает мой след у песка, солнце садиться за горизонт, волны сбавляют свой гонор и уже не бурлят, но шепчут, там что-то про спектр шкалы страданий, который раскладывается на ультрафиолет и неведомую тоску по свободе. Там мы, сидим рядышком на краю Вселенной, и я четвёртой рукой глажу тебя по вихрастой беспокойной голове. В тот день определённо нужно будет вернуться из смерти, которой нет.